

Российский государственный
университет правосудия

История суда и правосудия в России

Том 2

**Законодательство и правосудие
в Московском государстве
(конец XV — 70-е годы
XVII века)**

Издательство
НОРМА

Коллектив авторов
История суда и правосудия
в России. Том 2:
Законодательство и
правосудие в Московском
государстве (конец XV
– 70-е годы XVII века)
Серия «История суда и
правосудия в России», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31505237

Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): Норма, ИНФРА-М; Москва; 2017

ISBN 978-591768-856-5

Аннотация

Второй том коллективной монографии «История суда и правосудия в России» посвящен законодательству и правосудию периода позднего Средневековья. Внимание в нем сосредоточено на законодательстве, принятом в Московском государстве в

конце XV–XVII в. (Судебники 1497, 1550, 1589 гг.), а также на реализации Губной и Земской реформ (30—50-е гг. XVI в.). Анализу подвергнуты документы, принятые в период Смуты и гражданской войны: законодательство Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского, Окружные грамоты «Седьмочисленного» правительства и договоры с польским королем Сигизмундом III о приглашении королевича Владислава на Московский престол.

Анализируются уставные книги Разбойного приказа (1616–1617, 1635–1648 гг.) и Указная книга Земского приказа (1622–1648 гг.), нормативно восстановившие после преодоления Смуты действие Губной и Земской реформ, существовавших до «Московского разорения». Подробно исследуется Соборное уложение 1649 г. с постатейным анализом норм уголовного и гражданского права, а также всех новелл в области судоустройства и судопроизводства и дополнений законодательства, принятых в 1669–1679 гг.

Особенностью монографии является анализ не только судопроизводства, но и исполнения судебных решений: образования судебно-исполнительного аппарата, форм и способов его деятельности.

Отдельный раздел посвящен рассмотрению церковной юрисдикции и особенностям церковного судопроизводства.

Для преподавателей, аспирантов и студентов, а также медиевистов всех профилей и широкого круга читателей, интересующихся развитием законодательства и правосудия в Российском государстве.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	10
Раздел I	20
Глава 1	20
Глава 2	56
Глава 3	79
Глава 4	124
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века)

История суда и правосудия в России в 9 томах. Том 2

*Ответственные редакторы доктор юридических наук,
профессор*

В. В. Ершов,

доктор юридических наук, профессор

В. М. Сырых

Том 2

Законодательство и правосудие в Московском государ-

стве (конец XV – 70-е годы XVII века)

Ответственные редакторы

Н. М. Золотухина, В. М. Сырых

Редакционный совет:

Ершов В. В. (председатель редакционного совета, ответственный редактор издания), Сырых В. М. (руководитель авторского коллектива, ответственный редактор издания), Золотухина П. М., Колунтаев С. А., Корнев В. Н., Краковский К. П., Петухов Н. А., Сафонов В. Е., Соломко З. В.

Коллектив авторов

Ананьева Наталья Георгиевна, кандидат юридических наук – гл. 20
Захаров Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор – гл. 50—55

Золотухина Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ – введение (совместно с В. М. Сырых), гл. 1–4 (совместно с К. В. Петровым); гл. 22, 30, 32, 33, 35–37

Гайнутдинов Равиль Камилевич, доктор юридических наук, профессор – гл. 10

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ – гл. 11, гл. 12, 15–18, 21, 38, 39, 43 (совместно с С. А. Салтыковой)

Колунтаев Сергей Александрович, кандидат истори-

ческих наук, доцент – гл. 5—9

Комарова Татьяна Николаевна, младший научный сотрудник – заключение

Лимонцева Валентина Атексеевна, кандидат юридических наук, доцент – гл. 31, 34

Логинов Вадим Валентинович, кандидат юридических наук – гл. 24

Морозова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор – гл. 23 (совместно с А. С. Смыкалиным)

Петров Константин Васильевич, кандидат юридических наук, доцент – гл. 1—4 (совместно с Н. М. Золотухиной)

Рожнов Артемий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор – гл. 13, 14, 19, 40—42, 44, 45

Салтыкова Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент – гл. 12, 15—18, 21, 38, 39, 43 (совместно с И. А. Исаевым) Стадников Антон Владимирович, доктор юридических наук, профессор – гл. 48, 49

Смыкалин Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор – гл. 23 (совместно с Л. А. Морозовой), гл. 26, 29 (совместно с М. Д. Чуповой)

Сырых Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор – введение (совместно с Н. М. Золотухиной), гл. 47

Чупова Мария Дмитриевна, кандидат юридических наук – гл. 25, 27, 28, гл. 26, 29 (совместно с А. С. Смыкали-

ным)

Яцкова Анна Павловна, кандидат юридических наук,
доцент – гл. 46

Список принятых сокращений

ААЭ – «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической Экспедицией Императорской Академии Наук»

АЕ – «Археографический ежегодник»

АЗР – «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией»

АИ – «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»

АН СССР – Академия наук СССР

АСЭИ – «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.»

АЮ – «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства»

БЛДР – «Библиотека литературы Древней Руси»

БТ – «Богословские труды»

ВВ – «Византийский временник»

ВИ – «Вопросы истории»

ДАИ – «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией»

ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения»

ИВ – «Исторический вестник»

ИЗ – «Исторические записки»

ИОРЯС – «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук»

Н4Л – Новгородская 4-я летопись

ПРП – «Памятники русского права»

ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей»

ПСЗРИ – «Полное собрание законов Российской Империи»

РЗ – «Российское законодательство X–XX веков»

РИБ – «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»

СГГид – «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел»

ТОДРЛ – «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук»

Введение

Законодательство Московского государства о суде и правосудии, как и Новгородская и Псковская судные грамоты, имеет своим историческим источником Русскую Правду, однако его становление и развитие протекали в иных исторических условиях, нежели в демократических республиках Новгорода и Пскова. В числе конкретно-исторических обстоятельств, оказавших прямое воздействие на содержание и права, и правосудия в Московском государстве, имели значение; татаро-монгольское иго, исстари сложившаяся монархическая форма правления, авторитарный режим и интенсивные процессы закабаления крестьян, завершившиеся установлением в XVII в. крепостного права. Соответственно, процессы формирования, содержание и практика применения названного законодательства имеют свою историю, научное познание которой во всей полноте ее закономерных связей и отношений, а также в конкретно-исторических формах их проявления представляет собой актуальную задачу современной российской юридической науки¹.

После Куликовской битвы (1380) Москва становится центром объединения русских княжеств в единое государство.

---

¹ См.: История суда и правосудия в России. Т. 1: Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX – середина XV века) / под ред. С. А. Колунтаева, В. М. Сырых. М., 2016.

Процесс консолидации земель, связанный с изменением экономических, социальных, политических и юридических условий их развития, ставил перед великими московскими князьями задачу создания централизованного аппарата управления, обеспечивающего реализацию согласованного взаимодействия механизма верховной и местной властей на всей объединенной территории, а также принятия нормативных актов, определяющих правовые основания их деятельности.

Объединительный процесс стимулировал необходимость создания единого законодательства и судебного аппарата, действующего по правовым нормам, которые обеспечили бы правосудие на всей территории страны. Для осуществления этих задач при великом князе Московском Иване III был создан свод законов – Судебник 1497 г., ставший первым опытом самостоятельной кодификации законодательства Московского государства. Судебник, утвержденный великим князем совместно с Боярской думой, заложил основы законодательства Московского государства и его последующей общерусской кодификации. За ним последовали Судебники 1550, 1589, 1606–1607 гг. и, наконец, обширный свод законов середины XVII в. – Соборное уложение царя Алексея Михайловича, принятое в 1649 г.

Правосудие – сложный и многогранный процесс. В государстве могут быть законы высокого юридического качества, а правосудие при этом может отсутствовать, как ча-

стично, так и полностью. Папский легат Антонио Поссевино, посетивший Москву в XVI в., обратил внимание на высокую юридическую квалификацию Судебника 1497 г. Однако, похвалив российское законодательство, он заметил, что москвиты в практике своей жизни зависят не от законов, а только от воли великого князя². Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, также по достоинству оценивший Судебник 1497 г. и отметивший отсутствие подобного сборника законов в европейских государствах, даже принял решение о его переводе для австрийского императора Максимилиана; однако и от его взгляда не укрылось, что поведение людей в Московии определяет не закон, а личная воля государя, который «хочет быть полным господином имущества, тела, души и даже как бы мыслей подданных»³.

Раскрытие противоречия между нормативными актами высокого юридического качества и авторитарной практикой их применения, а также способами незаконного регулирования отношений в обществе и составляет одну из основных целей настоящего издания.

По мере усложнения государственно-правовых отношений между государством и подданными заметно увеличивалось число нормативных актов, обеспечивающих защи-

---

² Антонио Поссевино заметил, что воля государя распространяется на все сферы жизни москвитов. Например, они не могут ездить в другие страны по своему желанию, а только в том случае, если их пошлет государь (см.: *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в.* М., 1983. С. 24–25).

³ *Герберштейн С. Записки о Московии.* М., 1988. С. 109, 118–119.

ту личности и декларирующих формальное равенство всех участников судебного процесса. Одновременно устанавливалась уголовная ответственность за недобросовестное исполнение работниками судебного аппарата своих обязанностей, преследовалось взяточничество (мздоимство) судей. Были отменены формальные виды доказательств – «поле» и крестоцелование, повышена роль письменных доказательств, классифицировались показания свидетелей, запрещалось лжесвидетельство под угрозой уголовной ответственности, уточнялись виды умысла и формы соучастия, провозглашались принципы применения наказаний соответственно тяжести совершенного деяния («комуждо по делам его») и т. п.

Введенная в правовые рамки судебная деятельность тем не менее далеко не всегда соответствовала провозглашенным в законодательстве требованиям, поскольку во многом зависела от формы правления и особенно политического режима, существовавшего в тот или иной период в стране. Так, в период опричнины, по образному выражению А. М. Курбского, были «опровергохом все законы и указы святыя» и попраны все ранее действовавшие принципы реализации правосудия. Если иногда видимость суда и соблюдалась, как это было в случае с осуждением членов правительства – Избранной рады Алексея Адашева и Сильвестра, то сама процедура судебного заседания оказывалась лишь фикцией: подсудимые в судебное заседание не вызывались и их не ставили

перед судьями «с очи на очи», а сам суд превращался в «соборище», заочно обвинявшее их по прямому указанию царя. Князь Курбский заметил, что тогда в государстве «судили всех против правил (законов государства) и канонов церковных... Таков был суд царя нашего христианского... грядущим потомкам на вечный срам и унижение русскому народу»⁴.

В последующих царствованиях было немало сделано для того, чтобы восстановить в стране правосудие, чему активно способствовал Борис Годунов, который, по словам государева дьяка Ивана Тимофеева, «имел любовь к правосудию, нелицеприятно искоренял всякую неправду... всех кто насилывал маломощных, с гневом и немедленно наказывал» и был «неправде всякой изыматель и зла искоренитель»⁵. Современники, описывая недолгое царствование Бориса Годунова (1598–1605), отмечали его борьбу за восстановление и обеспечение правосудия в государстве. По словам Жака Маржерета, борьба Бориса Годунова с взяточничеством в суде и государственном аппарате была настолько успешна, что позволила добиться его искоренения не только в настоящем, но, как предполагал Маржерет, возможно, даже и в будущем

---

⁴ Курбский А. М. История о великом князе Московском. М., 2001. С. 95–96.

⁵ Временник Ивана Тимофеева / публ. и пер. О. А. Державиной. М., 1951. С. 63:231. (Здесь и далее в номерах страниц Временника первая цифра обозначает источник, вторая – перевод.)

времени⁶. (К сожалению, этого не произошло.)

Большое внимание восстановлению правосудия в стране было уделено царем Василием Шуйским (1606–1610). Он вступил на престол в период, когда в государстве царила обстановка беззакония и внесудебных расправ. В торжественной обстановке в Успенском соборе Московского Кремля он поклялся перед народом, что все подданные России (равно как и ее гости) будут наказываться только по закону и приговору суда и в соответствии с тяжестью своей вины («по своей вине»); члены семьи осужденного никаким опалам и конфискациям движимого и недвижимого имущества подвергаться не будут. Всякое дело будет предварительно тщательно расследовано, приговор по нему вынесен правомочным составом суда в присутствии обвиняемого, которому должно быть предоставлено право стоять перед судом и давать личные объяснения, т. е. практика заочных обвинений и объективного вменения, получившая распространение в период опричнины, полностью прекращается; наказание виновному будет определено только судом, по закону и в соответствии с тяжестью им содеянного⁷. Содержание Подкрестной записи Василия Шуйского (исследователи называют этот акт Декларацией) имеет нормативный характер и во многом соответ-

---

⁶ См.: *Маржерет Ж.* Записки капитана Маржерета // Россия в начале XVII века: сб. М., 1982. С 240–241.

⁷ См.: Русское историческое повествование XVI–XVII вв. М., 1984. С. 68–69. В этом и здании опубликован текст Подкрестной записи в современном переводе.

ствуует Акту о гарантиях и правах личности (Habeas Corpus Act), принятому в Англии через 73 года – в 1679 г. ⁸

Судебники 1589 и 1606–1607 гг., борясь со взяточничеством судей, также запрещали «имать посул в суде», еще раз подтвердив правило, изложенное в ст. 99 Судебника 1550 г., предусматривающее наказание не только для судей и судебных работников, но и для непосредственных участников судебного процесса: «ищею и ответчика», которые судьям «посулы давали», предав их проклятию «по торгам на Москве и во всех городех Московские земли, и Новгородские земли и Тверские земли и по волостям, чтобы ищья или ответчик судьям и приставом посулов в суде не давали и не сулили...».

Охрана правосудия в государстве получила выражение и в договорах со шведским королем Сигизмундом III о приглашении на российский престол его сына – королевича Владислава, составленных в феврале и августе 1610 г. ⁹

В текстах этих договоров содержалось запрещение наказывать «людей всех чинов» (т. е. любого российского подданного), «не сыскав вины» и не подтвердив ее приговором полномочного судебного органа. Ответственности за совершенное преступление подлежало только лицо, виновность которого устанавливалась судом и подтверждалась приговором. Объективное вменение запрещалось, невиновных чле-

---

⁸ См.: Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1995. С. 251–252.

⁹ АЗР. Т. IV. 1588–1632. СПб., 1881, № 180. С. 316–317.

нов семьи осужденного никаким опалам и наказаниям подвергать не разрешалось: «а жены, дети, братья, которые того учинку не помогали и не ведали, альбо не произволяли, казнены быть не мают» и отчизны и поместья у них конфискации не подлежат.

В текстах договоров содержалось также требование о недопустимости обвинения и наказания любого человека Московского государства независимо от его сословной принадлежности без предварительного расследования возведенного на него обвинения и вынесения соответствующего судебного приговора: «не осудивши судом с боярами всеми никого не карати, чести з них не брати, на вязенье (под стражу) не засылали, поместья и отчизны не отыймовати». Все дела предписывалось решать только в судах с вынесением приговора, утвержденного «советом бояр и всих думных людей», а «без Думы и приговору таких дел не совершали».

Позаботился об охране правосудия и царь Алексей Михайлович. Осуществление правосудия подробно регламентировалось в Соборном уложении 1649 г., уже на базе достигнутого к этому времени правового уровня регулирования процесса реализации правосудия; этим вопросам также уделялось внимание и в нормативных актах последующего времени.

Последовательный, хотя и недостаточно революционный курс на судебную защиту прав и свобод подданного российской короны, отчетливо проявившийся в законодательстве

Московского государства, стал возможен также благодаря содействию средневековых мыслителей и публицистов, активно провозглашавших в своих произведениях необходимость установления независимого от властных структур и немздоимного суда, ибо только в этом случае может быть достигнута реализация «правды» в осуществлении правосудия. С этих позиций примечательными являются требования, предъявляемые мыслителем XVI в. Зиновием Отенским к деятельности судей. Судья, утверждает Зиновий, никогда не должен забывать, что он «на высоком судеиском престоле сидит» исключительно для того, чтобы судить по правде и справедливости. «На судиях Господь Бог иного не ищет ничего точию суда праведна»; в задачу судьи входит «судити по суду и обвинити и казнити (наказать) по обыску... да не сотворит [судья] неправды в суде и не оправдиши неправого мзды ради, ни восхитивши мзды от него, да проклят будет судия неправедный... ибо быв он вместо пастыря»¹⁰. О суде и правосудии писали многие мыслители XVI в.: Максим Грек, И. С. Пересветов, А. М. Курбский и др.

Законодательство о правосудии в Московском государстве и практика его применения со всеми достоинствами и недостатками имеют важное историческое значение в общем генезисе российской судебной системы, и поэтому системное комплексное исследование начального этапа их разви-

---

¹⁰ Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. М.: Л., 1961. Т. XVII. С. 219–226.

тия представляется весьма значимым и необходимым в общей истории этих институтов с точки зрения как преодоления научных пробелов, так и понимания особенностей современного состояния российского законодательства по вопросам суда и правосудия и практики его применения.

Раздел I

Историография законодательства и правосудия Московского государства (конец XV – 70-е годы XVII века)

Глава 1

Историография исследований законодательства и правосудия в дореволюционный период (до 1917 года)

При исследовании процессов развития законодательства и реформировании судебных органов, реализации правосудия следует учитывать, что в Средние века отсутствовало расчленение знаний по отраслевому признаку. Все они в совокупности составляли предмет русской книжности и в силу этого должны подвергаться совместному комплексному изучению при определении степени их воздействия на все политические и юридические процессы в государстве.

Создание моделей, содержащих проекты возможного развития государства, и наиболее оптимальной организации в нем власти (формы правления), способов ее осуществления (политический режим), процесса создания и реформирования судебной системы и организации ее деятельности в виде осуществления правосудия особенно активизировалось в XV–XVI вв. Такое внимание к этим проблемам было связано с целым рядом политических, социальных и юридических обстоятельств: обретением государственной суверенности (1480), централизацией власти, формированием единого аппарата управления, судебной системы и общего для всей территории, находящейся под властью великого князя Московского, законодательства, что в конечном счете обусловило постепенный переход от раннефеодальной монархии к ее сословно-представительному варианту с большей степенью концентрации властно-управленческого и судебного аппарата.

Мыслители и публицисты отражали в своих произведениях все острые социальные, политические и юридические проблемы, сопровождавшие эти процессы и нуждавшиеся в нормативном регулировании. Законодатели, как правило, учитывали запросы общества и в итоге в той или иной степени воплощали предлагаемые предложения и проекты в нормы права. Мыслители, в свою очередь, одобряли новое законодательство, придавая ему тем самым наибольшую степень легитимности в глазах общества, или, напротив, подвергали

критике принятый закон, и тогда сражение за урегулирование нормами права обострившихся социальных или политических отношений, а иногда и острых конфликтных ситуаций вступало в свою новую фазу. Весь этот многогранный процесс взаимосвязан и взаимообусловлен и, следовательно, изучать его следует в комплексе всех составляющих его компонентов.

Особо значимым событием для российских ученых являются поиск и обнаружение текстов законодательных актов, определявших государственно-правовую политику Московского государства в конце XV – первой половине и середине XVII в. Среди таких документов особое значение имеют обнаружение и исследование средневековых Судебников. Первый из них был найден В. Н. Татищевым – Судебник 1550 г. (единственный известный его список), в 1734 г. подаренный императрице Анне Иоанновне. Судебник 1550 г. был издан Г. Ф. Миллером в 1768 г.¹¹

Судебник 1497 г. был найден позднее, хотя сведения о нем были известны «из извлечений из него, приведенных С. Герберштейном в своих «Комментариях о московитских делах»¹². В 1817 г. текст Судебника 1497 г. был обнаружен археографами П. М. Строевым и К. Ф. Калайдовичем, опубли-

---

¹¹ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным; тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым, М., 1786, С. 13.

¹² Судебники XV–XVI веков. М., 1952.

кован в 1819 г.¹³

Судебник 1589 г., или Судебник царя Федора Иоанновича, стал известен в русской исторической науке лишь в 1899 г.; его обнаружил в 1898 г. и затем опубликовал в 1900 г. С. К. Богоявленский¹⁴.

Сводный Судебник 1606–1607 гг. впервые был напечатан в Сенатской типографии в 1774 г. «с многочисленными ошибками и недописками и пропусками переписчика, извращающими, а местами и вовсе лишаящими смысла текст. Плохо соблюдено также древнее правописание и само заглавие не допечатано»¹⁵. В 1918 г. К. Ф. Калайдович и П. М. Строев опубликовали «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами», включив в это издание Судебники 1589 и 1606–1607 гг. Научная публикация Сводного Судебника была предпринята только в 1956 г. А. А. Зиминым в издании «Памятники русского права» по Рогожской рукописи, относящейся к первой трети XVII в.¹⁶

---

¹³ См.: Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изд. К. Калайдовичем и П. Строевым. М., 1819.

¹⁴ См.: *Богоявленский С. К.* Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900 // Судебники XV–XVI веков. С. 343.

¹⁵ *Губерти Н. В.* Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом, 1725–1800, М., 1878–1891.

¹⁶ См.: ПРП. Вып. ГУ. М., 1956. С. 479–569.

Сводный Судебник, принятый в 1606–1607 гг., по мнению исследователей, официального признания не получил, но в судебной практике использовался и был хорошо знаком составителям Соборного уложения 1649 г., которые позаимствовали принятую в нем систему изложения законодательного материала.

Текст Соборного уложения 1649 г. был напечатан сразу же по его изготовлении и разослан по городам. Впоследствии он был утрачен и вновь обнаружен по поручению Екатерины II. Подлинный свиток Соборного уложения был помещен в специально изготовленный для него серебряный ковчежец (столбец) и хранится поныне в Историческом музее. С подлинного свитка дважды было напечатано по 1200 экземпляров. В 1776 г. Соборное уложение было издано Императорской академией наук; в 1907 и 1915 г. издание памятника повторил Московский государственный университет. В советское время Соборное уложение издавалось: в серии «Памятники русского права» (Вып. VI. М., 1957); Ленинградским отделением издательства «Наука» в 1987 г. (текст подготовил А. Г. Маньков). Последнее научное издание с комментариями в книге «Российское законодательство X–XX веков» было осуществлено издательством «Юридическая литература» в 1985 г. (отв. ред. А. Г. Маньков). Кроме этих изданий извлечения из Соборного уложения неоднократно издавались в хрестоматиях в учебных целях.

В 1836 г. в Санкт-Петербурге были изданы «Акты, со-

бренные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической Экспедицией Императорской Академии Наук» в четырех томах. В I том вошли акты за период 1294–1598 гг.; во II – за 1598–1613; в III – за 1613–1645; в IV – за период 1645–1700 гг.

Наряду с корпусом нормативных актов и исторических документов Археографическая комиссия начала публиковать и памятники средневековой письменности. В 1868 г. было осуществлено издание Великих Миней Четых, составленных митрополитом Макарием (XVI в.) и дополненных святителем Димитрием Ростовским (XVII в.); предпринята публикация всех известных на то время летописных сводов. С 1872 г. Археографическая комиссия начала издавать сборник «Русская историческая библиотека», опубликовав 39 томов, в которых содержались акты внутренней и внешней политики России, документы из церковных и монастырских архивов, писцовые книги, фрагменты летописей, декларации властей, в том числе договоры полномочного представительства России с польским королем Сигизмундом III о приглашении королевича Владислава на русский престол; произведения средневековых мыслителей, а также послания различных лиц (духовного и светского статуса): митрополитов Зосимы и Макария, игумена Белозерского монастыря Кирилла, старцев Артемия, Вассиана, Филофея (Псковского), князя А. М. Курбского, государева дьяка Ивана Тимофеева, келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Пали-

цына, князей И. А. Хворостинина, С. И. Шаховского и И. М. Катырева-Ростовского, а также анонимные повести и сказания Смутного времени и др.

Дореволюционные историки (в том числе церковные), а также филологи, философы и правоведы при исследовании различных аспектов общественной жизни России XIV–XVII вв. рассматривали идеологические течения, обсуждаемые в обществе, в которых предлагались различные проекты государственно-правовых преобразований, подготавливая тем самым принятие законов и проведение реформ, а затем легитимируя своим одобрением их содержание и практическую реализацию или, напротив, критикуя их. При изучении этого корпуса литературы в поле зрения исследователей попадали не только направления политической мысли (общественной, как принято тогда было называть все идеологические течения, касавшиеся социальных, политических и правовых тем), но и отдельные доктрины выдающихся мыслителей, затрагивающие философско-богословские и политико-юридические проблемы.

В общих курсах по истории России были рассмотрены вопросы, касающиеся возникновения русского права, составляющих его величин (правда, справедливость, закон и истина), его источников, судебной организации и реализации правосудия всеми органами, наделенными судебными полномочиями. Здесь следует привести прежде всего работы М. М. Щербатова «История Российская с древнейших вре-

мен» (доведена до 1610 г.) (Сочинения князя Щербатова. М., 1770–1791; 2-е изд. М., 1898); В. Н. Татищева «История Российская» (доведена до 1577 г.) (М., 1768); Н. М. Карамзина «История государства Российского» (1816–1829); С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (СПб., 1851–1879; М., 1988–1999); И. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (СПб., 1874); С. Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» (М., 1889, 1937); В. О. Ключевского «Курс русской истории» (М., 1904–1906). Наиболее полное современное издание работы «Курс русской истории» В. О. Ключевского включено в девяти томное издание его сочинений (М., 1997). В дальнейшем сочинения В. О. Ключевского, в том числе «Курс русской истории», переиздавались неоднократно, некоторые из них в сокращенном виде (М., 2002, 2005, 2011).

Непосредственно историками права были проведены исследования истории возникновения и развития государства и права в России. Это работы Н. Ф. Рождественского «Обозрение внешней истории русского законодательства» (СПб., 1848); С. М. Шпилевского «Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I» (Ученые записки Казанского университета. Вып. 2. Казань, 1862); Н. Л. Дювернуа «Источники права и суд в Древней Руси: Опыт по истории гражданского права» (М., 1869); Н. П. Загоскина «История права Московского государства» (Казань,

1877. Т. 1), «Курс истории русского права» (Казань, 1906. Т. 1); И.Д. Беляева «Лекции по истории русского законодательства» (М., 1879); М. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права» (1886) (впоследствии эта работа переиздавалась неоднократно); В. И. Сергеевича «Лекции и исследования по древней истории русского права» (2-е изд. СПб., 1899), «Русские юридические древности» (СПб., 1890–1903), «Древности русского права» (в 3 т., под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006); А. Н. Филиппова «Лекции по истории русского права» (Юрьев, 1904. Ч. 1).

Историки права также занимались исследованием принципов организации и деятельности судебной системы в ее хронологической последовательности, а также наиболее значимых органов этой системы, в частности Боярской думы как высшего судебного учреждения, приказов, представляющих следующее центральное звено в административно-судебной системе, и местных органов власти, наделенных судебными полномочиями по реформам 30—50-х гг. XVI в. Это работы В. Г. Кукольника «Основание российского судопроизводства» (М., 1832); А. И. Вицына «Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение» (М., 1856); Ф. М. Дмитриева «История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях» (М., 1859); Н. П. Шалфеева «Об Уставной книге Разбойного приказа» (СПб., 1868); Н. П. Загоскина «Уставные грамоты XIV–

XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления» (Вып. 1–2. Казань, 1875–1876); Н. В. Калачева «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России» (СПб., 1860), «О Боярской думе Московского государства и ее до нас дошедших докладах и приговорах» (СПб., 1884); С. В. Пахмана «История кодификации гражданского права» (СПб., 1878. Т. I); Н. Н. Ланге «Древнерусские местные и вопчие суды» (М., 1881); П. Н. Чеглова «Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича» (Казань, 1885); С. А. Шумакова «Губные и земские грамоты Московского государства» (М., 1895); И. Я. Гурляда «Приказ великого государя Тайных дел» (Ярославль, 1902); А. Ф. Поворинского «Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному» (1896–1904 гг.) (посмертное издание. СПб., 1905); Н. Я. Новомбергского «Слово и Дело Государевы» (СПб., 1911); Г. Г. Тельберга «Политический суд в Московском государстве» (М., 1911. Кн. VII).

Одновременно в поле зрения историков и юристов попала и группа тем, связанная с практическим правоприменением: совершенствование отдельных институтов судебной системы, классификация видов преступлений и наказаний, способов судебного расследования, принимаемых судом доказательств и т. д.

Открытие и введение в научный оборот Судебников 1497,

1550 г., а затем Судебников 1589, 1606–1607 гг. и Соборного уложения Алексея Михайловича 1649 г. послужили серьезным стимулом для историков права к всестороннему исследованию российского средневекового права и формированию его отдельных отраслей. Подверглись предметному изучению гражданское и уголовное право, а также процесс их реализации судебными органами. Этим вопросам посвящены работы А. Ф. Рейца «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» (М., 1836); П. Д. Колосовского «Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья» (М., 1847); М. М. Михайлова «История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года» (СПб., 1848); П. И. Дегая «Учебная книга русского гражданского судопроизводства» (СПб., 1846), «Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства» (СПб., 1847); А. М. Богдановского «Развитие понятий о преступлении до Петра Великого» (М., 1857); О. А. Филиппова «Очерк русского уголовного права» (Вып. 1. СПб., 1866); А. А. Сухова «Историческая характеристика уголовного права до XVII столетия» (Юридический вестник. 1874. Январь – февраль. Кн. I–II. М., 1873); Л. С. Белогриц-Котляревского «О воровстве-краже по русскому праву» (Киев, 1880); Д. Г. Тальберга «Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). Историко-догматическое исследование» (СПб., 1880); Н. Н. Ланге «Древнее русское уго-

ловное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVII вв.)» (СПб., 1884); И. С. Таганцева «Лекции по уголовному праву» (Вып. 4. СПб., 1892); П. Д. Калмыкова «Учебник уголовного права» (СПб., 1866); Н. Д. Сергеевского «Русское уголовное право. Часть общая» (СПб., 1889); В. В. Есипова «Очерки русского уголовного права» (Варшава, 1896); М. П. Чубинского «Очерки уголовной политики» (Харьков, 1905); Л. Е. Владимирова «Курс уголовного права» (М., 1908); С. В. Познышева «Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права» (М., 1912); И. Я. Фойницкого «Курс уголовного судопроизводства» (4-е изд. СПб., 1912); С. И. Викторского «Русский уголовный процесс» (М., 1912) и др.

Рассматривается историческая эволюция системы доказательств, предполагающая замену устаревших видов доказывания новыми. В XVI в. в судебном-следственном производстве получают распространение письменные доказательства, что привело к разработке формы их составления, условий хранения и заверения соответствующими государственными органами или уполномоченными лицами. Об этом писали К. Ф. Калайдович в исследовании «О судебных поединках» (Русская история. 1838. Т. 1. Кн. VI); С. В. Пахман в магистерской диссертации «О судебных доказательствах по древнерусскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии» (М., 1851); К. А. Митюков в работе «О собственном признании как доказательстве по де-

лам гражданским» (Киев, 1884); В. Г. Демченко «Исторические исследования о показаниях свидетелей» (Киев, 1859), «К вопросу об участии земских добрых людей в древнерусских судах» (Киев, 1903).

Исследуется репрессивная политика в России, в частности применение тюремного заключения и смертной казни. Юристами, изучавшими эти виды наказаний, было установлено, что упоминание тюремного заключения, равно как и смертной казни, в виде санкций в законодательстве не определяло частоту их применения на практике, в то время как замена тюремного заключения и смертной казни другими видами наказаний получила широкое распространение в приговорах судов всех инстанций. Укажем работы Ф. Ф. Делпа «О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича» (СПб., 1848); А. М. Богдановского «Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого» (М., 1854); К. Ю. Миттермайера «Смертная казнь по результатам научных исследований, успехов законодательства и опытов» (СПб., 1864); А. Ф. Кистяковского «Исследование о смертной казни» (Киев, 1867); Д. И. Пихно «Исторический очерк мер гражданских взысканий по русскому праву» (Киевские университетские известия. 1874. № 8—10); Н. Суворова «О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву» (СПб., 1876); Н. Д. Сергеевского «Наказание в русском праве XVII в.» (СПб., 1887); И. Я. Фойницкого «Учение о

наказании в связи с тюрьмоведением» (СПб., 1889); Н. П. Загоскина «Очерк истории смертной казни в России» (Казань, 1892); А. С. Пругавина «Монастырские тюрьмы» (Право. 1903. № 7); А. В. Попова «Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву» (Казань, 1904); А. Г. Тимофеева «История телесных наказаний в русском праве» (СПб., 1904); П. И. Люблинского «Право амнистии» (1907); М. А. Колчина «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.» (М., 1908); И. Малиновского «Кровавая месть и смертные казни» (Томск, 1908. Вып. 1–2); С. Н. Викторского «История смертной казни в России и современное ее состояние» (М., 1912); М. Н. Гернета «Смертная казнь» (СПб., 1913); Н. С. Таганцева «Смертная казнь» (СПб., 1913).

Знакомство со Статутом Великого княжества Литовского¹⁷, а также Сборником законодательных памятников древнего западноевропейского права, законоположениями о присяжном судеустройстве и судопроизводстве важнейших государств Европы и Америки и английским прецедентным правом и судопроизводством, изложенным сравнительно с шотландским и французским¹⁸, послужило стимулом к раз-

---

¹⁷ См.: Статут Великого княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного. Пер. с польск. Ч. 2: От седьмого раздела до конца. СПб., 1811. См. также: *Lanno И. И.* Литовский статут в московском Ипереводе. Юрьев, 1816.

¹⁸ См.: Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права / под ред. *П. Г. Виноградова, М. Ф. Владимирского-Буданова.* Вып. 1–3.

витию такой науки, как сравнительное правоведение в России¹⁹.

Следует признать, что число специальных работ дореволюционных историков и юристов, посвященных изучению законодательства и правосудия Московского государства, заметно уступает числу специальных публикаций по проблемам истории Древней Руси. Названные проблемы Московского государства чаще всего рассматривались в работах, посвященных общей истории российского права и государства в виде отдельных глав, параграфов и не получили развернутого системного освещения. Ярким примером этого может служить «Курс русской истории» В. О. Ключевского, в котором дан обстоятельный обзор законодательства и правосудия Древней Руси, тогда как аналогичные институты Московского государства изложены весьма схематично, а некоторые основополагающие законодательные акты вообще не

Киев, 1906–1908; Законоположения о присяжном судоустройстве и судопроизводстве важнейших государств Европы и Америки. СПб., 1866; Уголовное судопроизводство вообще, а английское в особенности, изложенное сравнительно с шотландским и французским; Законоположения о присяжном судоустройстве и судопроизводстве важнейших государств Европы и Америки. Очерк английского судопроизводства в связи с судом присяжных: С приложением статьи о различии между функциями судей и присяжных. СПб., 1866.

¹⁹ См.: *Беседкин П.* Исторический Очерк преступления поджога по римскому, германскому и русскому праву. Ярославль, 1885; *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. Московское государство – Российская империя. СПб., 1888; *Биткин И. И.* Византийское право как источник Уложения 1649 г. и Новоуказных статей. Одесса, 1898; *Пионтовский А. А.* Смертная казнь в Европе. Казань, 1908.

упомянуты.

Среди работ, имеющих своим непосредственным предметом законодательство, судоустройство и судопроизводство Московского государства, можно выделить публикации Н. Н. Ланге, Н. Д. Сергеевского, И. Д. Беляева и В. И. Сергеевича.

Весьма полное и системное изложение истории судопроизводства в XIV, XV вв., XVI – первой половине XVII в. было дано Н. Н. Ланге²⁰. Труд Н. Н. Ланге представлял собой единственное для того времени обобщающее исследование, затрагивающее всю сумму вопросов, характерных для процесса осуществления правосудия в Московском государстве в обозначенный период (позднее Средневековье). Н. Н. Ланге рассмотрел дореформенное судебное устройство (до Губной и Земской реформ 1530—1550-х гг.), выяснил причины, вызвавшие принятие этих реформ, проанализировал введенные ими изменения в судоустройстве и формах судопроизводства, обратив особое внимание на организацию судебной власти на местах: замену наместников и волостелей выборным составом суда; персонализацию участников губного суда (губной староста, излюбленные судьи, «судные мужи иначе судные целовальники», вотчинные судьи) и объем их полномочий. Н. Н. Ланге выяснил основные положения *губного права*, сформировавшегося на практике, определяющего

---

²⁰ См.: Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVI I вв.). СПб., 1884.

деятельность губных судов и предусматривавшего такой институт, как отвод судей, ответственность за неявку участников процесса и свидетелей, и обстоятельства, освобождающие от нее; исследовал процессуальные формы реализации правосудия, рассмотрев применяемые на практике виды процесса: суд и розыск. Исследователь изучил устройство центральных судов государства, их структуру и регламентированное реформами взаимодействие с системой местных административно-судебных органов.

Н. Н. Ланге, изучая систему доказательств, показал, что в течение XIV – первой половины XVII в. изменилось отношение Церкви и общества к таким их видам, как «поле» (поединок), крестоцелование и жребий, приведшее почти к повсеместной их замене свидетельскими показаниями и письменными документами, заверенными в установленном порядке²¹. Судебники 1589 и 1606–1607 гг. прямо указывали судам на необходимость вынесения приговоров с учетом свидетельских показаний и письменных доказательств, «бес по-

---

²¹ Против поединка («поля») как вида доказательств активно возражала Церковь; его осуждали и мыслители. Например, Зиновий Отенский критиковал разрешение спора в суде посредством поединка («поля»), предлагая заменить его крестным целованием (см.: Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину //ГОДРЛ. М.;Л., 1965.Т. XXI (21). С. 219–224); И. С. Пересветов был более радикален: он критиковал одновременно и поединок, и крестное целование: «крест целуют на виновате оба истца – истец и ответчик: один приложивше, ищет к своей обиде, а другой [от] всего запрется, а в том, оба во гресях погибают и в великую ересь впадают и на Бога хулу кладут, не крепко крестное целование держат и тем Бога гневят» (Сочинения И. Пересветова. М., 1956. С. 173–174).

ля и бес целованья»²².

Н. Н. Ланге дано обстоятельное описание губного и земского правосудия, осуществляемого выборными губными и земскими судами. Он считал, что сформировавшееся на основе Губной и Земской реформ правосудие приобрело демократичный характер, поскольку осуществлялось коллегиальным составом судей, выбираемых «из всех» жителей местности, проживающих в территориальных округах, входящих в состав губы или земства.

В. И. Сергеевичем была опубликована работа «Древнерусское право» в трех томах (первоначальное название – «Юридические древности»). Третий том посвящен анализу реформы местной власти, управления и суда. В. И. Сергеевич показал обусловленность этой реформы социально-экономическим развитием России, происходившим на протяжении XV–XVI вв., созреванием самостоятельности сельских и волостных миров, их участием не только в пользовании землями, но и в уплате налогов, несении различных повинностей, поставлении ратных людей и т. п., вызвавших в конечном счете их стремление к получению «гражданской дееспособности», что и было на определенных условиях предоставлено сельским и волостным мирам Губной и

---

²² В Приговоре о губных делах, принятом 22 августа 1556 г., прямо указывалось на необходимость вынесения приговоров на основа ни и свидетельских показаний и результатов обысков «без поля и без целованья» (Законодательные акты русского государства второй половины XVI первой половины XVII в. / под ред. // Е. Носова, В. М. Панях. Л., 1986. № 16. С. 39).

Земской реформами. В. И. Сергеевич показал длительный процесс этих преобразований, рассмотрев его результаты отдельно по уездам ²³.

И. Д. Беляев в работах «Земский строй на Руси» и «Судьбы земщины и выборного начала на Руси» подверг исследованию сложный процесс строительства отношений между центральной властью и «местными земщинами». Земщины, терпевшие длительное разорение от «своеволия наместников», «производивших страшные беспорядки» на подведомственных им территориях, обратились к царю с жалобами «на самоуправство управления московскими наместниками», сопровождавшимися просьбой о предоставлении местным земщинам права «управляться своими выборными старостами и излюбленными головами, заменявшими наместников», а также о составлении «нового Царского Судебника, ограждавшего земщины от своеволия наместников». Просьба миров была удовлетворена принятием Уставной грамоты об отмене наместников и волостелей по городам и волостям, которая «настолько подняла самоуправление земщин, что земщины получили право непосредственно относиться к центральной власти в Москве, а о суде и управе ведаться своими выборными начальниками, излюбленными головами, судьями и старостами, во всех делах, даже уголовных, под контролем самого местного общества, а не центральной власти; так что местная земщина получила [пра-

---

²³ См.: *Сергеевич В. // Древности русского права: в 3 т. М., 2007. Т. 3.*

вила] как выбирать помянутых начальников из своей среды, так и сменять их».

Посадским людям и крестьянам было предоставлено право выбирать самим своих судей и сменять их, самим решать, «кому их судить и управу чинить меж ними». Судебные функции полностью передавались в руки выборных судей, список которых за надлежащим оформлением («за поповскими руками и дьяконовскими и со своими приписями») надлежало посылать в приказ для утверждения. Дьяк приказа «тех излюбленных судей приводит к крестному целованию на том, что им судити во всех делах в правду по нашему крестному целованию», Приказ мог отвести выборного судью, но не имел права назначать сам кого-либо, община в таком случае должна была избрать другого кандидата самостоятельно.

В случае если излюбленные головы и вообще все выборные власти избирались целым уездом, а не только посадом или волостью, их суду и управе «подлежали не только посадские люди и крестьяне, но и все местные вотчинники и помещики по месту жительства и по своим недвижимым именьям». Более того, с избранием «выборных властей по Уставной грамоте в уезде прекращалась всякая судебная и административная власть чиновников, присылаемых от государя, и переходила в руки излюбленных голов, старост, судей под контроль своего общества».

Общество со своей стороны обязывалось платить осо-

бый оброк, ежегодно высылаемый непосредственно в царскую казну. Беляев отмечает демократический характер этой Уставной грамоты, представлявшей «местным земщинам свободу – управляться ли самим выборными властями или государевыми наместниками», но в случае выбора наместников Судебник 1550 г., изданный в одно время с Уставной грамотой, предписал обязательное участие в суде наместников или волостелей «выборных судей со своим земским дьяком», без которых суд наместника или волостеля признавался недействительным. «Само судное дело» должно записываться земским дьяком и подписываться земским судьей. Если дело слушалось в наместническом суде, то оно скреплялось печатью наместника, но копия протокола оставалась у выборных судей земского самоуправления.

Земская власть «действовала особо от наместников заодно со своими старостами, сотскими и целовальниками». В помощь себе она учреждала особых приказчиков, которые были защитниками интересов земщины. Обязанности приказчиков заключались в недопущении «своеволий и притеснений со стороны наместников и их пошлинных людей». Наместник и люди его администрации «не имели права взять под стражу и заковать ни до суда, ни после суда, не объявив об этом наперед городовому приказчику; в противном случае городской приказчик со старостами и целовальниками освобождал взятого из-под стражи и сверх того взыскивал на наместничьих людях бесчестье, смотря по званию обижен-

ного»²⁴.

И. Д. Беляев считал, что требования земских общин были удовлетворены Царским Судебником 1550 г. и Уставной грамотой, которая, по его мнению, вышла почти одновременно с Судебником. Он не обозначил реквизиты этой грамоты, поэтому остается предположить, что слова Беляева об одновременности принятия Грамоты и Судебника («были приняты почти одновременно») можно отнести к Губной Белозерской грамоте (1539), изданной при Иване IV в период боярского правления, в которой уже говорится о создании губных изб и выборной местной администрации и суде²⁵. Можно допустить, что исследователь мог иметь в виду и Приговор о кормлениях и службе 1556 г., красочно описавший творимый наместниками и волостелями произвол и потребовавший в связи с этим скорейшего и повсеместного проведения

---

²⁴ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 2008. С. 109–110.

²⁵ Губная Белозерская грамота от имени великого князя Ивана Васильевича обращалась не только к «князем и детям боярским», но и к старостам, и сотским, и десятским, и всем крестьянам с требованием принятия мер по прекращению разбоев, для исполнения которого всем жителям предлагалась «учинить у себя в тех своих волостях... человека по три или четыре, которые бы грамоте умели и которые пригожи, да с ними старост и десятских и лутчих людей крестьян человек пять или шесть и приняли бы меры по борьбе с разбоями». Таким образом, Белозерская уставная грамота содержала модель губной избы, учреждаемой по борьбе с «лихими» людьми силами всех сословных групп волости. См.: Белозерская уставная грамота 1488 г. //РЗ.Т.2.С. 192–195.

Земской реформы²⁶.

Более подробное изложение порядка формирования и деятельности выборных судов содержится также в нормативных актах, принимаемых царем и Боярской думой в 1550-х гг.: Приговоре о разбойных делах 1555 г.; Указе о татевных делах 1555 г. и Приговоре о губных делах 1556 г., в которых законодатель уже прямо обращался к выборным старостам и целовальникам (судьям)²⁷. Подробное описание всех должностных обязанностей выборных лиц земского самоуправления, особенно работников судебного аппарата, и их ответственности за исполнение своих обязанностей содержалось уже в более поздних нормативных актах и Судебниках 1589 и 1606–1607 гг.

Таким образом, И. Д. Беляев, проанализировав Земскую реформу, особо обратил внимание на преобразования в области вершения правосудия²⁸.

Образовавшийся в середине XVI в. Земский собор И. Д. Беляев наделял законодательными и высшими судебными полномочиями, но полагал, что в царствование Бориса Годунова, а затем Василия Шуйского состав Соборов ограничивался только «созывом жителей Москвы», поскольку оба эти

---

²⁶ См.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в, С. 39–42.

²⁷ См.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в» С, 33–34, 36–37, 39–42»

²⁸ См.: *Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси*. М., 2008. С. 108–112.

правителя не надеялись на поддержку «людей всей земли». Однако с выборами Михаила Романова «земщина всей Русской земли в лице своих выборных почти постоянно присутствовала в Москве и принимала деятельное участие в правлении. Так что этот государь не принимался ни за одно важное дело, не посоветовавшись с выборными от земщины и во всех своих распоряжениях опирался на ее голос», а в своих грамотах и указах писал: «Мы великий государь учинили о том собор и приговорили то-то» или «по нашему великого государя указу и по соборному приговору всей Русской земли»²⁹.

Существенное внимание исследованию средневекового права судопроизводства посвятил Н. Д. Сергеевский в работе «Наказание в русском праве XVII века», где дается развернутое описание системы наказаний, применяемых в Московском государстве в XVII в. Признавая важнейшей задачей теории уголовного права исследование государственных и социальных условий, оказывающих воздействие на систему наказаний и ее изменения, на способы и практику ее применения и исполнения, Н. Д. Сергеевский рассмотрел важнейшие виды наказаний, культивировавшихся в Московском государстве: смертную казнь, телесные наказания, тюремное заключение, ссылку, имущественные наказания, поражения чести и права, а также основные виды церковных

---

²⁹ Там же. С. 114–116. См. также: *Беляев И. Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 68–89.

наказаний. Актуальность и значимость своего исследования Н. Д. Сергеевский обосновывал тем, что уголовное право XVII в. непосредственно связано с действующим законодательством XIX в. и выступает его основным источником. Кроме того, исследуемое им законодательство впервые в отечественной истории дает полную картину системы наказаний всего периода отечественного Средневековья.

Н. Д. Сергеевский отмечает, что принцип соразмерности наказания тяжести совершенного преступления во все времена истории уголовного права выступает ведущим принципом действующего законодательства и так или иначе учитывается в нем. В то же время в пределах этого принципа установление и организация карательных мер по содержанию, а равно по определению размеров наказания за отдельные деяния слагаются весьма различно в исторической жизни народов, подчиняясь влиянию многообразных факторов и условий – политических, этических, экономических.

В работе сделан ряд оригинальных авторских выводов о системе наказания российского уголовного права, в том числе о применении групповой ответственности по делам о государственных преступлениях. «Представим себе, – писал Сергеевский, – что, благодаря особым условиям быта, в известных случаях, для государства весьма важные, виновные лица вовсе не могут быть определены индивидуально наличными силами уголовной юстиции; между тем государство не может терпеть безнаказанности их преступных деяний. То-

гда для государственной власти остается единственная дилемма: или допустить безнаказанность свыше меры возможного терпения и тем подвергнуть опасности разложения известную сторону государственного порядка, или наложить наказание, не определяя виновного индивида, на всех тех лиц, в числе которых должен находиться действительный виновник. Древнее государство спокойно шло этим последним путем: не будучи сдерживаемо тем отношением к личности человека, которым руководствуемся мы ныне, оно сложило широкий институт групповой ответственности. Но и современное государство в крайних случаях прибегает к тому же приему – наказывает целые общины, селения, не определяя вовсе, кто именно из членов собирательной единицы есть действительный виновник»³⁰.

Работа Н. Д. Сергеевского представляла собой заметное явление в российской юридической литературе, которое породило интерес к законодательству и правосудию XVII в., одновременно вызвав критические оценки ее отдельных положений и выводов. В частности, Л. С. Белогриц-Котляревский находил бездоказательным утверждение Н. Д. Сергеевского о том, что в российском законодательстве XVII в. слабо учитывалось воздействие принципа возмездия в системе карательных мер; В. Н. Ширяев критиковал автора за оправдание жестокости уголовной репрессии опасностью преступных посягательств на интересы государства.

---

³⁰ *Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 40–41.*

Таким образом, вышеприведенный обзор позволяет заключить, что в дореволюционной историографии был представлен корпус исторической и юридической литературы, освещающей проблемы организации суда, осуществления правосудия, классификации права по отраслям с разработкой его отдельных институтов. Причем следует отметить, что лидирующее место среди этих исследований занимала именно юридическая литература.

В области истории учений о праве количественный состав исследований (XIX–XX вв.) не достигал такого уровня, как в сфере изучения материального и процессуального права, тем не менее произведения средневековых мыслителей начали активно изучаться, при этом обращалось особое внимание политико-юридической проблематике, содержащейся в них. Подвергалась изучению и роль политических произведений средневековых мыслителей в усовершенствовании правоприменительной деятельности судебной-административных органов³¹.

Дореволюционные исследования, непосредственно посвященные произведениям средневековых мыслителей, в значительной степени принадлежали представителям таких на-

---

³¹ Например, Зиновий Отенский в Послании новгородскому дьяку В. Я. Шишкину предложил целую систему мер по усовершенствованию деятельности всех судов, расположенных на территории Новгородского края (см.: ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 219–224 (публикация А. И. Клинбанова и В. И. Корецкого)). Это же Послание см.: *Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении.* М., 2014. Приложение 1. С. 541–547.

ук, как история, филология, история Церкви (в отличие от материального права и процесса его применения, изучавшегося в основном юристами). Представителями общегуманитарных наук было немало сделано в области публикаций новооткрытых источников, переводов их на современный язык и анализа содержания работ мыслителей и публицистов конца XIV–XVII в. И хотя юридическая составляющая этих произведений не всегда учитывалась, однако общий уровень культурного развития в идеологической сфере средневековой России в них был представлен с достаточной полнотой.

Следует отметить, что историками-юристами на профессиональном уровне также изучалась средневековая политико-правовая идеология. Одной из первых солидных работ в этом направлении стало исследование историка права М. А. Дьяконова «Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в.» (1889 г.)³². В понятие «древнерусская письменность» в дореволюционных исследованиях (отчасти в советских и даже некоторых современных) обычно включались все известные произведения с XI по XVI в. включительно. Раннее и позднее Средневековье не разделялось.

В. М. Дьяконов определил круг политических тем, характерных для древнерусской письменности. Он рассмотрел традиционно сложившиеся в России представления о вер-

---

³² См., Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. М., 2012.

ховной власти, образе ее носителя, отношениях светской и духовной властей (симфония властей). В этих целях были подвергнуты анализу произведения мыслителей Древней Руси (Киевское государство) и средневековой России (Московское государство). М. А. Дьяконов показал, что традиционные основы учения о власти, сложившиеся в Киевской Руси, не были утрачены, они были восприняты и разработаны в Московском государстве в соответствии с историческими условиями и теми задачами, которые стояли перед ним уже в XIV–XVI вв.

М. А. Дьяконов проанализировал взгляды Московского митрополита Зосимы, епископа Ростовского Вассиана (известного под прозвищем Вассиан Рыло), Иосифа Волоцкого (включив и полемику нестяжателей и иосифлян по вопросу о праве церковно-монастырских корпораций на владение землями, населенными крестьянами), митрополитов Макария и Даниила, старцев Филофея Псковского и Зиновия Отенского, царя Ивана Грозного и его оппонента князя Андрея Курбского. Политические доктрины этих мыслителей М. А. Дьяконов рассматривал в сопоставлении с исторической обстановкой, под воздействием которой они сформировались, в сопряжении с проблемами, стоящими перед московским правительством, показав при этом сохраняющиеся в этих учениях традиционные корни, на основе которых разрешались современные государственно-правовые проблемы.

Такая работа впервые появилась в русской историогра-

фии, в ней было поставлено много политических вопросов, не все из которых были разрешены, так как нуждались в дополнительном, более глубоком исследовании. Кроме того, непосредственно праву и правоприменению уделено значительно меньше внимания, чем государствоведению. Однако серьезная заявка на исследование политической и правовой мысли в России в профессиональном плане М. А. Дьяконовым, несомненно, была сделана.

Дальнейшее изучение средневековой политико-правовой идеологии было продолжено юристом по образованию и византологом по интересам В. Е. Вальденбергом.

В. Е. Вальденберг является одним из крупнейших дореволюционных исследователей русской политической мысли среди представителей отечественной юридической школы. Изучение византийской политической и правовой теории, византийской политической практики привело его к идее о сравнительном анализе русского и византийского законодательства и политико-правовых учений. В дальнейшем, проводя сравнительные сопоставления, он на обширном материале выяснял степень влияния византийского законодательства, политической и правовой мысли, способов их воплощения в политическую практику Византии на формирование политического мышления, государственное строительство и юридическую практику России.

Труды В. Е. Вальденберга не потеряли своего значения до настоящего времени, о чем свидетельствует современное

неоднократное переиздание его произведений³³. Своей работе «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в.» В. Е. Вальденберг предпослал теоретическую главу, которую назвал «Положение вопроса в литературе». В ней он доказывал необходимость для всех исследователей (материального права и политико-правовой идеологии) достичь единого понимания понятийного аппарата средневековых мыслителей и выражающей его терминологии, употребляемой ими при «определении характера и объема княжеской или царской власти»³⁴. Он обратил внимание ученых XX в. на то обстоятельство, что «политические термины имеют свою историю», и исследователям будет угрожать анахронизм в том случае, «если, встречая их в памятниках отдаленного времени», они будут понимать их «в современном (для них) смысле»³⁵. Это замечание особо важно для любых исторических исследований, в том числе и исследований истории московского законодательства и правосудия.

Только при понимании юридических терминов в том смысле, в котором их употребил законодатель и восприни-

---

³³ См.: Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до VII в. СПб., 2008; *Он же*. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М., 2006.

³⁴ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. С. 13.

³⁵ Там же. С. 15.

мали его современники, исследователь Нового и, добавим, Новейшего времени способен правильно понять смысл закона, конкретной нормы права, а также содержание судебного правоприменительного решения. Не менее важно правильно понимать уровень культуры Московского государства и общества, имевшего талантливых юристов, усилиями которых были проведены реформы законодательства, созданы Судебники и Соборное уложение 1649 г., по технике исполнения и конкретным предписаниям превосходящие лучшие источники права западноевропейских стран, что признавали посещавшие Москву представители западных государств. Так, австрийский посол Сигизмунд Герберштейн высоко оценил Великокняжеский Судебник 1497 г. и даже частично перевел его для сведений императора Максимилиана, ибо, по его представлениям, ничего подобного в современной ему Европе не существовало.

Между тем в дореволюционной литературе получило распространение представление о средневековой России как о стране, «погруженной во мрак невежества». Причем подобного взгляда на состояние культуры в России придерживались даже такие выдающиеся писатели XVIII в., как В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир и М. В. Ломоносов. «Даже А. С. Пушкин и В. Г. Белинский судили о русской образованности средних веков с большим пренебрежением, отрицая проявления в русском обществе каких-либо прогрессивных вея-

ний»³⁶. К сожалению, даже уже в конце XIX в. при пробуждении интереса к средневековой культуре и разнообразным видам письменности в характеристике культурного состояния России в позднее Средневековье мало что изменилось³⁷. Так, В. И. Жмакин продолжал считать, что «вторая половина XV и первая половина XVI вв. в отношении просвещения справедливо называются «темными», поскольку «состояние просвещения в то время находилось в упадке»³⁸; историк и политический деятель П. Н. Милюков полагал, что на Руси в XVI в. «не было ни идеи критики, ни идеи терпимости, ни идеи внутреннего духовного христианства. Все эти идеи для огромного большинства русского общества были просто непонятны»³⁹. Н. А. Бердяев в своих книгах неоднократно повторял мысль о том, что «московская культура вырабатывалась в постоянном противлении латинскому Западу и иноземным обычаям, но в Московском царстве очень слабо выражена культура мысли. Московское царство было почти бессмысленным и бессловесным» и только «в России Петровской пробудилась мысль и слово»⁴⁰.

---

³⁶ *Алексеев М. П.* Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.). М., 1958. С. 9—11.

³⁷ См.: *Иванов А. И.* Максим Грек как ученый на фоне современной ему образованности // *Богословские труды*, 1976. Т. 1. С. 142–143.

³⁸ *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Кн. 1. Отд. 1. С. 1.

³⁹ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1897. Ч. 2. С. 31.

⁴⁰ Эта мысль была высказана Н. А. Бердяевым в работе «Русская идея» (Париж,

Подобная характеристика состояния культуры, в том числе и политико-правовой, в Московском государстве в эпоху позднего Средневековья обоснованно критикуется. Еще русский философ Павел Флоренский считал, что в эпоху позднего Средневековья русская культура в Московской Руси достигла вершины своего развития, которое он оценивал как наступление «золотого века», не закончившего своего существования, а, напротив, пустившего свои ростки в XX в., в то время как ренессансная культура Запада к этому времени уже умерла. Павел Флоренский объясняет феномен средневековой российской культуры наличием в ней следующих признаков: «целостность и органичность, соборность, диалектичность, динамика, активность, волевое начало, прагматизм (деяние), реализм, синтетичность и конкретность и самособранность». «Свое собственное мировоззрение Флоренский считал соответствующим по складу и стилю историческому русскому Средневековью XIV–XV вв.»⁴¹.

Российская культура позднего Средневековья представлена целой плеядой талантливых мыслителей, писателей и публицистов. Задолго до образования Академии наук и юри-

---

1946), затем повторена в опубликованной в России этой же работе в сборнике «О России и русской философской, культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья» (XI., 1990) и работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (М., 1990. С. 7–8).

⁴¹ Из истории русской философской мысли: Павел Александрович Флоренский. Публикация игумена Андроника (Трубачёва) // Литературная газета. 1988. 30 окт. № 48 (5218).

дического факультета в России отечественные мыслители обсуждали в своих произведениях целый ряд государственно-правовых проблем, показав при этом определенную квалификацию в их рассмотрении, использование классификационных методик (четырёхуровневую классификацию видов законодательства: церковное, светское, центральное и местное); разрабатывали такие проблемы, как поиски наилучшей для России формы правления. Зиновий Отенский обосновал вывод о зависимости от географической среды (в которую он включил климат, плодородие почв, световой день, географическое расположение страны) формы правления, а также обычаев, нравов и содержания правовых норм, сложившихся под воздействием всех названных им компонентов, включенных в понимание им географической среды⁴². Некоторые мыслители (Максим Грек, Зиновий Отенский, А. М. Курбский) усматривали прямую связь между правоприменением (в данном случае состоянием всей судебной и внесудебной деятельности), формой правления и политическим режимом.

Обсуждение мыслителями XVI в. такого комплекса проблем с несомненностью свидетельствует об обладании

---

⁴² Отечественный мыслитель XVI в., Зиновий Отенский в работе «Истины показание к вопросившим о новом учении» (1565 г.) почти на 200 лет опередил Ш. Монтескье («О духе законов», 1746 г.) в постановке вопроса о влиянии географической среды на форму правления и содержание обычаев и законов у разных народов (см.: *Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении.* Казань, 1863. С. 891–893).

ими политическим и юридическим мышлением, проявленным при рассмотрении сложных политических и юридических вопросов. Такая политико-юридическая квалификация мышления возможна только на базе общей культурной образованности. О культурном состоянии средневековой России и наличии в ней большого количества библиотек, включающих в свои собрания отечественные и зарубежные книги, свидетельствуют изыскания в этой области советских и современных ученых ⁴³.

---

⁴³ См.: Рукописная и печатная книга: сб. статей. М., 1975 (включает период с XV в. по XVIII в.); *Луппов С. П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970; Книга в России до середины XIX в.: сб. статей / под ред. А. А. Сидорова, С. П. Луппова. Л., 1978 (охватывает период с XV в. и до первой половины XIX в.); *Сапунов В. В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978; *Розов Н. Н.* Книга в России в XV в. Л., 1985. См. также: Круг чтения древнерусского книжника XVII в. / сост., предисл. и комм. *В. В. Кускова.* М., 2013.

Глава 2

Историография исследований законодательства и правосудия в советский период (1917–1991 годы)

В начале советского периода внимание исследователей было привлечено к проблемам становления и развития новой государственности, легитимному обоснованию указов и постановлений, устанавливающих пролетарскую государственность и право и вводящих новую судебную систему,

К сожалению, сразу после революции 1917 г. были закрыты общества и журналы, созданные для публикации источников древней и средневековой письменности и монографий, посвященных их изучению; посчастливилось только «Русской исторической библиотеке», которая просуществовала до 1927 г. и даже выпустила несколько томов своего третьего издания⁴⁴. Тем не менее уменьшение интереса к русской средневековой культуре более всего сказалось на такой ее области, как история государства и права и история политико-юридической мысли средневекового периода. При историографическом обзоре исследуемого времени следует учитывать, что многие ученые, интересы кото-

---

⁴⁴ См.: РИБ. Л., 1925–1927 (вышли тома 13, 36, 38 и 39).

рых связаны с этой научной сферой, начинали свою деятельность еще в дореволюционный период, а затем продолжили ее в советское и современное российское время, поэтому граница между этими временными периодами выглядит весьма условно. В советское время целую эпоху в исследовании отечественного Средневековья составили работы историков, философов и филологов. Здесь следует в первую очередь отметить работы В. П. Андриановой-Перетц «К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI–XIV вв.» (Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. М.; Л., 1958); М. А. Алпатова «Русская историческая мысль и Западная Европа» (т. 1: XI–XVII вв, М., 1976). Коллективом авторов под ред. А. М. Алпатова были написаны «Очерки истории и исторической науки» (М., 1955–1985. Т. I–V). Также большое значение имеют работы Д. Н. Альпица («Неизвестные Послания Ивана Грозного» (ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII), «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного» (Л., 1988), «Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма» (Новосибирск, 1990); Ю. Г. Бегунова «Кормчая Ивана Волк Курицына» (ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII), «Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси» (ТОДРЛ. 1957. Т. XIII), «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви» (ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. XX), «Секуляризация в Европе и Собор 1503 г.»

в сб. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе» (М., 1972); И. У. Будовница «Русская публицистика XVI в.» (М., 1947), «Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника)» (ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. VIII), «Изборник» Святослава 1076 и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли» (ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. X), «Отражение политической борьбы в Тверском и Московском летописании XIV в.» (ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII), «Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян» (М., 1966), «Общественно-политическая мысль Древней Руси» (М., 1960). Из работ В. Е. Вальденберга отметим «Древнерусские учения о пределах царской власти» (М., 1916; переиздана в 2006 г.), затем в советский период Вальденберг продолжил исследования в работах «Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной» (Известия АН СССР. ИОРЯС. 1919. Т. II. Кн. I), «Наставление писателя Агапита в русской письменности» (ВВ. Л., 1926. Т. 24), «Печатные переводы Агапита» (Доклад АН СССР. Л., 1928. Сер. В. № 13). С. Б. Веселовский написал работы «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.; Л., 1947. В 2 ч.), «Исследования по истории опричнины» (М., 1963), «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник» (М., 1963), «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (М., 1969), «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» (М., 1975), «Труды по источниковедению и исто-

рии России периода феодализма» (М., 1978), «Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия» (М., 2008). Следует также отметить работы А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» (М., 1984), «Средневековый мир безмолвствующего большинства» (М., 1990); А. А. Зимина «Губные грамоты из музейного собрания» (Записки отдела рукописей ГИБ им. В. И. Ленина. М., 1956. Вып. 18), «Сочинения И. Пересветова» (публикация, комментарии А. А. Зимина. М., 1956), «Общественно-политические взгляды Федора Карпова» (ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XII), «И. С. Пересветов и его современники» (М., 1958), «Русская публицистика конца XV – начала XVI в.» (М., 1959), «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1961), «Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории середины XVI в.» (М., 1961), «Доктор Николай Булев» (в книге «Исследования и материалы по древнерусской литературе» (М., 1961)), «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России конца XV–XVI в.» (М., 1977), «Россия на рубеже XV–XVI столетия» (М., 1982), «В канун грозных потрясений» (М., 1986) и ряд других монографий и статей в научных изданиях. В 2001 г. в серии «Памятники исторической мысли» посмертно издан сборник, включающий ряд работ А. А. Зимина («Опричнина»).

Исследованиям законодательства и правосудия рассматриваемого периода посвящены работы И. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси

XIV–XVI века» (М., 1955), И. А. Казаковой «Вассиан Патрикеев и его сочинения» (М.; Л., 1960), «Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в.», «Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.» (М., 1980), «Максим Грек и идея сословно-представительной монархии» в сборнике «Общество и государство феодальной России» (М., 1975) и другие статьи в научных журналах.

Необходимо упомянуть исследования А. И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV – начале XVI в.» (М., 1960), «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» (М., 1977) и его статьи в научных журналах; работу В. И. Корецкого «Христологические споры в России (середина XVI в.)» (М., 1963. Вып. XI); книги Д. С. Лихачева «Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв.» (М.; Л., 1945), «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства» (Л., 1946), «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.; Л., 1947), «Возникновение русской литературы» (М.; Л., 1952), «Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.» (М., 1959), «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.» (М.: Л., 1962), «Развитие русской литературы X–XVII вв.» (М., 1973) и др.

Я. С. Лурье и Д. С. Лихачевым написана книга «Послания Ивана Грозного» (перевод и комментарии Я. С. Лурье. Л., 1951); Я. С. Лурье также изданы «Идеологическая борь-

ба в русской публицистике конца XV – начала XVI в.» (М.; Л., 1960), «Общерусские летописи XIV–XV вв.» (Л., 1976), «Русские современники Возрождения» (Л., 1988); Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков подготовили книгу «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» (Л., 1981). Нельзя не упомянуть работы Н. Е. Носова «Губная реформа и центральное правительство» (ИЗ. 1956. Т. 56), «Очерки по истории местного управления Русского государства в первой половине XVI в.» (М.; Л., 1957), «Губная реформа и центральное правительство» (ИЗ. 1956. Т. 56), «Уложение о кормлениях и службе 1555–1556» (ВИ. Л., 1985. Т. XVII), «Ста новление сословие-представительных учреждений в России. Изыскания о реформе Ивана Грозного» (Л., 1969). Рассматриваемый период исследовали В. И. Перетц в работе «Сведения об античном мире в Древней Руси XI–XIV вв.» (1917–1919); И. И. Прокофьев в работе «О мировоззрении в системе жанров русской литературы», напечатанной в сборнике трудов «Литература Древней Руси» (М., 1975. Вып. 1). Упомянем исследования И. И. Полосина «О челобитных И. С. Пересветова» (Ученые записки МГПИ. 1946. Вып. II. Т. XXXV), «Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.» (М., 1963); Г. М. Прохорова «Послания Нила Сорского» (ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX (29)), «Памятники переводной русской литературы XIV–XV вв.» (М., 1987); В. Ф. Ржиги «И. С. «Пересветов, публицист XVI в.» (М., 1908), «Боярин-западник XVI в. Ф. И. Карпов» (Ученые записки

РАНИОН. М., 1929. Т. 4), «Из полемики иосифлян и нестяжателей» (Известия АН СССР. VII серия, отд. гуманитарных наук, 1919), «Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек» (ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1) и др. Необходимо упомянуть работы П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины» (М.; Л., 1950); А. М. Сахарова «Церковь и образование русского централизованного государства XIV–XV вв.» (Вопросы истории. 1966. № 1), «Образование и развитие

Российского государства в XIV–XVII вв.» (М., 1969), «Духовная культура в XVI столетии» (ВИ. 1974. № 9); Н. В. Сеницыной «Послание Максима Грека Василию III об устройстве Афонских монастырей» (ВВ. 1965. Т. XXVI (26)), «Послание Константинопольского патриарха Фотия Михаилу Болгарскому в списках XVI в.» (ТОДРЛ. Л., 1965. Т. XXI (21)), «Рукописная традиция XVI–XVII вв. собраний сочинений Максима Грека» (ТОДРЛ. Л., 1971. Т. XXVI (26)), «Максим Грек и Савонарола» в книге «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе» (М., 1972), «Книжный мастер Михаил Медоварцев» в книге «Русское искусство» (М., 1972), «Этический и социальный аспект нестяжательских воззрений Максима Грека» в книге «Общество и государство феодальной России» (М., 1975), «Гипербореец из Эллады, или Одиссея Максима Грека» (Прометей. 1990); А. Д. Седельникова, опубликовавшего работу «Следы стригольнической книжности» (ТОДРЛ. М.; Л.,

1934. Т. 1); И. И. Смирнова «Иван Грозный» (М., 1944), «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI века» (М.; Л., 1958) и др. Отметим работы Р. Г. Скрынникова «Начало опричнины» (Л., 1966), «Иван Грозный» (М., 1975), «Россия накануне Смутного времени» (М., 1981), «Борис Годунов» (М., 1983), «Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в.» (Л., 1985), «Смута в России в начале XVII в.» (М., 1988), «Лихолетье. Москва в XVI—XVII веках» (М., 1988); М. Н. Тихомирова «Русское государство XV—XVII вв.» (М., 1973), «Древняя Русь» (М., 1975), «Русское летописание» (М., 1979); А. Л. Хорошкевич «История государственности в публицистике времен централизации» в книге «Общество и государство феодальной России» (М., 1975); исследования Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (в 2 ч. М., 1948—1951), «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М., 1950), «Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.» (М., 1978), «Вопросы методологии исторического исследования» (М., 1981); С. О. Шмидта «Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного)» (М., 1973), «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (М., 1984). Серьезный вклад в изучение и публикацию исторических документов, отдельных институтов и учреждений, а также общественной, социаль-

ной и отчасти политико-правовой мысли внесли Б. Б. Кафенгауз в работе «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова» (М., 1937); О. А. Державина в книге «Временник Ивана Тимофеева» (М., 1951); О. А. Державина и Е. В. Колоскова в работе «Сказания Авраамия Палицына» (М.; Л., 1955). Л. В. Черепнин опубликовал корпус документов «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» (в 2 т. М., 1948). Под редакцией Н. Е. Носова были изданы «Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.» (в 2 т. Л., 1986).

Систематически публиковались новооткрытые документы и статьи по истории древнерусской и средневековой письменности Институтом русской литературы (Пушкинский дом) в «Трудах отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ), первый том которых вышел в 1934 г. Издательством «Художественная литература» выпущена серия «Памятники литературы Древней Руси» (в 12 т. М., 1979–1994), а начиная с 2000 г. в Санкт-Петербурге издается книжная серия «Библиотека литературы Древней Руси» (БЛДР) (в 20 т., издание еще не завершено).

Советские правоведа критически отнеслись к негативным оценкам Судебника 1497 г., данным дореволюционными исследователями. С. В. Юшков, один из первых советских исследователей Судебника 1497 г., не согласился с бытовавшим в дореволюционной юридической литературе представлением о том, что этот правовой сборник основыва-

ется на обычаях, созданных обществом и получивших государственную санкцию в форме закона. С. Ю. Юшков обоснованно доказал, что Судебник 1497 г. обусловлен феодальными отношениями, действовавшими в конце XV в., а также стремлением Московского государства дать единое правовое регулирование на всей территории государства с учетом присоединенных к нему земель⁴⁵.

Однако С. В. Юшков, в свою очередь, допустил ошибку, признав Судебник 1497 г. правовым источником, изданным в целях замены феодальных отношений отношениями «торгового капитализма». Л. В. Черепнин увидел в этом Судебнике отражение интересов феодалов в закабалении крестьян, а также удержании остальных социальных слоев общества в рамках установленного им правопорядка⁴⁶. Представляется, что наиболее адекватно понял природу Судебника А. А. Зимин, усмотревший его главную цель в организации единого «судопроизводства на всей территории государства, регламентации судебных пошлин представителями, осуществлявшими суд в центре и на местах». Источниками Судебника 1497 г. А. А. Зимин признал Русскую Правду, Псковскую судную грамоту, а также грамоты наместничьего

---

⁴⁵ См.: Юшков С. В. Судебник 1497 г. (К внешней истории памятника) // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. V. Вып. III. Саратов, 1926.

⁴⁶ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 253–393.

управления и судебную практику⁴⁷.

В работах И. И. Смирнова, А. А. Зимина и Н. Е. Носова предпринимается попытка раскрыть историю создания Судебника 1550 г., дать его текстологический анализ, проанализировать содержание норм права и проследить процесс его применения.

И. И. Смирнов, в частности, в Судебнике 1550 г. усмотрел стремление Ивана Грозного законодательно закрепить нормы, соответствующие его политике и мерам по борьбе с преступными деяниями, сопряженными с посягательствами на устои государства и общества. Как он полагал, Судебник был принят в интересах дворянства, а кодификационная работа по его созданию осуществлялась посредством инкорпорации действующих нормативных предписаний⁴⁸. А. А. Зимин дал более высокую оценку творческой деятельности составителей Судебника 1550 г., показав, что из 99 статей 37 являются новыми, сформулированными его разработчиками самостоятельно, а заимствованные, ранее действовавшие статьи подверглись кардинальной переработке. В целом же, по мнению А. А. Зимина, «самым крупным начинанием правительства... было составление в июне 1550 г. нового законодательного кодекса, который заменил устаревший Судебник

---

⁴⁷ См.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С Л 22.

⁴⁸ См.: *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г. // *ИЗ.* Т. 24. М., 1947.

1497 г.»⁴⁹. Одновременно А. А. Зимин не поддержал и вывод И. И. Смирнова о продворянской ориентации Судебника, приписав ему компромисс между боярством и дворянством, поскольку родовитые боярские фамилии по-прежнему занимали видное место при дворе и в Боярской думе.

Н. Е. Носов посчитал, что Судебником 1550 г. не только был оформлен компромисс между боярами и дворянами, но и закреплена новая форма правления Московского государства – сословно-представительная монархия. Ибо все новеллы закона преследовали общую цель: «путем взаимных уступок и бережения во всем правительственного интереса... урегулировать отношения между кормленщиками и широкими слоями местного населения – посадскими людьми и волостными крестьянами»⁵⁰,

Советскими правоведами проводились исследования норм, закрепляющих структуру и статус судебных органов Московского государства, а также порядок судопроизводства. Основная тенденция развития названных институтов, по признанию С. И. Штамм, состояла в том, чтобы расширить и уточнить процессуальные нормы в целях подчинения частных интересов государственным, сосредоточения расследования наиболее опасных для господствующего класса дел в руках центральной государственной власти, введения

---

⁴⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 348.

⁵⁰ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскание о земской реформе Ивана Грозного Л., 1969. С. 56.

губного самоуправления и усиления роли розыскного процесса⁵¹.

Советская юридическая и историческая литература, посвященная Соборному уложению 1649 г., довольно бедна. Наиболее значимыми публикациями, посвященными этому источнику, являются работа К. А. Софроненко «Соборное уложение 1649 г. – кодекс русского феодального права» (М., 1958); публикация Соборного уложения в шестом выпуске сборника «Памятники русского права» (М., 1956); монография А. Г. Манькова (ЛГУ, 1987) и публикация Уложения с развернутыми комментариями в третьем томе «Акты Земских соборов» издания «Российское законодательство X–XX веков» (М., 1985).

Советскими историками и правоведами была продолжена дискуссия относительно классовой сущности Московского государства, напрямую сказывающейся в деятельности государственных органов, и в первую очередь органов правосудия⁵². Так, Р. Г. Скрынников считает, что «в XVI в... главным явлением политической жизни явилось рождение са-

---

⁵¹ См.: *Штамм С. И.* Введение к разделу «Судебники» // РЗ. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М., 1985. С. 53.

⁵² См.: *Шее яков В. Н.* К вопросу об опричнине Ивана IV // ВИ. 1956. № 9. С. 72–77; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1973. С. 192; *Он же.* Лихоletьe. Москва в XVI–XVII вв. М., 1988. С. 9; *Кузьмин А. Г.* Первые попытки ограничения самодержавия // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 75–80; *Лурье Я. С.* Литература в период образования единого русского государства // История русской литературы. М., 1980. Т. 1. Гл. У.С.289.

модержавной формы правления в сфере социальной жизни... Утверждение в России самодержавно-крепостнического строя, определившее судьбы страны по крайней мере на два века»⁵³. Сомнений нет, что он, как и все вышеупомянутые авторы, воспринимают термины «самодержавие» и «абсолютизм» в синонимическом значении и обозначает ими одно понятие – «абсолютная монархия», которая, по мнению этих авторов, была формой правления России в XV–XVI вв. Между тем из анализа социально-экономических отношений и соответствующей им структуры органов власти, управления и суда в России очевидно, что ни в XV, ни XVI, ни даже в XVII в. (особенно в первой его половине) абсолютная монархия как форма правления в России еще не сформировалась, а формой правления на этом этапе государственного строительства была сословно-представительная монархия.

Однако следует отметить, что не все современные историки отказываются от сословно-представительной монархии как формы правления в России в XVI–XVII вв. Например, Н. Е. Носов полагал, что в середине XVI в. началась «перестройка политических основ Русского централизованного государства как государства уже сословно-представительного»⁵⁴. Л. В. Черепнин также не сомневается в существовании

---

⁵³ *Скрынников Р. Г.* Лихолетье. Москва в XVI–XVII вв. С. 9. Анализ такой формы правления, как самодержавно-крепостнический строй, вызывает затруднения с точки зрения его юридической характеристики.

⁵⁴ *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 9.

в России в период с 1549 по 1584 г. сословно-представительной монархии: «На Соборах обсуждались крупнейшие проблемы, стоящие перед русским государством... и правительство не могло не считаться с решениями Соборов». Только после Собора 1684 г. в России начался «процесс перехода... от сословно-представительной монархии к абсолютизму»⁵⁵.

Проблема соответствия представлений о форме правления средневековых мыслителей, писателей и публицистов состоянию институтов и учреждений и их деятельности в исторической действительности Средневековья неоднократно рассматривалась в советской исторической и историко-правовой науке. Учеными ставился вопрос об определении этапов государственного строительства в России, в данном случае о смене форм правления: сословно-представительной монархии ее абсолютным вариантом. По этому поводу в Институте истории Академии наук СССР в 1960 г. состоялась дискуссия, результаты которой нашли отражение на страницах журнала «История СССР» и в монографии «Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)», вышедшей в 1964 г. под редакцией академика Н. М. Дружинина⁵⁶.

Эта проблема обсуждалась и историками-юристами; к ней неоднократно обращался доктор юридических наук Ю. П.

---

⁵⁵ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 153, 222, 224.

⁵⁶ См.; Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): со. статей к семидесятилетию со дня рождения Б. Б. Кафенгауза. М., 1964.

Титов, исследуя проблему перехода от раннефеодальной монархии к сословно-представительной, а от нее к абсолютизму⁵⁷. По мнению Ю. П. Титова, сословно-представительная монархия сформировалась в России в середине XVI в. «Если мы обратимся к истории России (середина XVI – середина XVII вв. – времени, предшествующему абсолютизму), то увидим, что монархия в это время обладала всеми признаками сословно-представительной ее формы, аналогичной сословно-представительным монархиям Англии, Франции, Испании, Германии». Признаки абсолютизма, полагает Ю. П. Титов, начали появляться в России только во второй половине XVII в., уже ближе к концу этого века, а абсолютная монархия как форма правления получила юридическое оформление в первой четверти XVIII в.⁵⁸

Историк права О. А. Омельченко отмечал, что понятие абсолютизма как особого качества власти сформировалось в раннем марксизме в 40-х гг. XIX столетия, а его наступление Маркс связывал «с появлением нового буржуазного общества». В России в XVI – первой половине XVII в. такое общество еще не сложилось⁵⁹.

---

⁵⁷ См.: Титов Ю. П. Проблемы российского абсолютизма: сб. науч. трудов. М., 1983. С. 4—23; *Он же*. Сословные проблемы взаимоотношений государства и церкви в период абсолютизма: сб. науч. трудов. М., 1988. С. 93—109.

⁵⁸ См.: Титов Ю. П. Абсолютизм в России. № 4. С. 13, 18—19 и др.

⁵⁹ См.: Омельченко О. А. Становление абсолютной монархии в России. М., 1986. Омельченко продолжил исследование этой темы и в статье «Историко-политическая концепция абсолютной монархии в классическом марксизме (К кри-

Данную тему неоднократно поднимали историки учений о праве и государстве. Так, Г. Б. Гальперин, исследуя вопрос о политических идеалах мыслителей XV–XVI вв., пришел к выводу, что в политических учениях средневековых мыслителей понятие «самодержавие» выражало представление о «единстве государственной власти, ее верховенстве, но не неограниченности власти царя... идея самодержавия выражала суверенность Российского государства и не только не противоречила идее сословно-представительного управления, но, наоборот, находилась в единстве с данной формой правления»⁶⁰.

Большинство историков-юристов, в том числе и авторы настоящего тома, настаивают на наличии в России XVI–XVII вв. сословно-представительной монархии⁶¹. Точка зре-

---

тике традиционных проблем исторического государствоведения)». В ней он уточнил свои позиции, касающиеся формирования абсолютной монархии и ее признаков, но своего мнения относительно наличия в России сословно-представительной монархии, предшествовавшей абсолютизму, он не изменил (см.: Ежегодник истории права и правоведения. Вып. 1. М., 2000. С. 7—53).

⁶⁰ Гальперин Г. Б. Форма правления единого Российского государства в русской политической мысли XV–XVI вв. // Вестник ЛГУ. 1971. № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2. С. 107; *Он же*. Сословно-представительная монархия и причина в России // Вестник ЛГУ. 1969. № 23. С. 81–94.

⁶¹ См.: Золотухина Н. М. Проблемы периодизации истории развития русской политической и правовой мысли: сб. науч. трудов ВЮЗИ. М., 1987. С. 123–143; Иванов С. С. Государство и право России в период сословно-представительной монархии (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). М., 1960; Юшков С. В. История государства и права России (XI–XIX вв.). 2-е изд. Ростов н/Д., 2003. Ч. 3. § 3. С. 477–478.

ния о самодержавии как абсолютной монархии, якобы реализовавшейся уже в XVI–XVII вв. в России, в юридической науке имела место в основном в 50—60-е гг. XX в., и, по всей вероятности, ее можно объяснить господствовавшей в те времена методологией исследования⁶².

Представляет интерес суждение по данному вопросу философов М. Н. Громова и Н. С. Козлова, которые, обобщив результаты дискуссии, имевшей место в исторической науке, пришли к заключению, что «сейчас, когда российское самодержавие как целостная система представляет исторически исчерпанный феномен, можно объективно в нем разобраться. Диалектический подход требует рассмотрения всего процесса возникновения, развития и краха самодержавия»⁶³. Но, как было показано выше, этот «феномен» не только не является исчерпанным в настоящее время, но, напротив, остается в поле дискуссии и нуждается во всестороннем дополнительном изучении с точки зрения как сущностного анализа, так и терминологического обозначения, и, естественно, более четкого определения «времени возникновения, становления и краха российского самодержавия», выяснения исторического и современного понимания и употребления термина «самодержавие». Из приведенного вы-

---

⁶² См.: Покровский В. С. История русской политической мысли. М., 1951. Гл. II; Он же. Из истории русской политической мысли XVI в. // Труды ВЮЗИ. Т. XXII (22). С. 3—60.

⁶³ Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль. М., 1990. С. 173.

сказывания философов М. Н. Громова и Н. С. Козлова не ясно, какой смысл сами эти авторы вкладывают в понятие «самодержавие» и какую хронологию имеют в виду, когда пишут о «крахе самодержавия».

Среди публикаций Судебников следует отметить академическое издание Судебников XV–XVI вв., в котором тексты были подобраны и составлены Р. Б. Мюллером и Л. В. Черепниным под общей редакцией Б. Д. Грекова. К ним были составлены обширные комментарии А. И. Копаневым, Б. А. Романовым и Л. В. Черепниным. До настоящего времени непревзойденным остается комментарий, составленный к публикации Судебника 1589 г. А. И. Копаневым⁶⁴.

Существенные вкладом в публикацию источников является издание «Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв.», подготовленное Р. Б. Мюллером под редакцией Н. Е. Носова. Издание представлено в двух томах, второй том содержит комментарии к опубликованным уникальным нормативным документам (приговорам, указам, уложениям). В этом издании многие акты указанного периода изданы впервые⁶⁵.

Историки государства и права и политических и правовых учений в советский период также приняли серьезное

---

⁶⁴ См.: Судебники XV–XV вв. М., 1952. С. 415–562.

⁶⁵ См.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.

участие в публикации правовых источников⁶⁶ и исследовании проблем истории российского правоведения, политической и правовой мысли средневекового периода⁶⁷. Государственным издательством «Юридическая литература» одновременно с выпуском отдельных нормативных сборников права издавались серии «Памятников русского права». Так, в течение 1952–1963 гг. этим издательством было опубликовано восемь выпусков; затем была предпринята расширен-

---

⁶⁶ См.: Судебники русского государства. 1497 и 1550 гг. / под ред. Г. К. Амелина. Горький, 1939; Соборное уложение. Извлечения / сост. Г. К. Амелин. Горький, 1958; *Штамм С. И.* Судебник 1497 г. М., 1955; *Маньков А. Г.* Соборное Уложение 1649 г. – кодекс феодального права, 31*, 1980.

⁶⁷ См.: *Сыромятников Б. И.* Из истории политических учений в России // Советское государство и право. 1940» № 10. С. 21–28; *Зуев В. И.* Приоритет русской правовой мысли в создании и развитии теории суверенитета // Советское государство и право. 1951. № 3. С. 24–37; *Зильберман И. Б.* Политические взгляды Ивана Грозного. Л., 1953; *Покровский В. С.* История русской политической мысли (конспект лекций). Выл. 1. М., 1951; *Саккетти А. Л.* Политическая программа И. С. Пересветова // Вестник МГУ. 1951. Вып. 1. С. 107–117; *Она же.* О взглядах И. Пересветова // ВИ. 1957. № 1. С. 119–127; *Сальников Ю. Ф.* Основные направления русской общественной политической мысли конца XV – начала XVI в. // Учен. зап. ВЮЗИ. 1957. Вып. 3. С. 35–70; *Покровский С. А.* Из истории русской политической мысли XVI в.; *Золотухина Н. М.* Теории суверенитета государственной власти в русской политической литературе XV–XVI вв. // Труды ВЮЗИ. 1975. Т. 44. С. 158–191; *Она же.* Об эволюции социально-политического идеала «стяжательской церкви» в трудах Иосифа Волоцкого // Труды ВЮЗИ. 1979. С. 3–36; *Она же.* Иосиф Волоцкий. Серия; политической и правовой мысли. М., 1981; *Она же.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985; *Золотухина Н. М., Исаев И. А.* Политические и правовые учения в период возникновения и развития феодализма (XI – начало XVII в.). М., 1984; *Кузнецов Э. В.* Философия права. М., 1989-

ная публикация отечественных нормативных актов в издании «Российское законодательство X–XX веков» (в 9 т.), выходящих с 1985 по 1994 г. под общей редакцией профессора О. И. Чистякова.

Во втором томе названного издания содержатся тексты Судебников 1497 и 1550 гг., грамот наместничьего управления, губных и земских грамот, а также Стоглава; в третьем томе – Соборное уложение 1649 г. Ко всем текстам нормативных актов даны обстоятельные комментарии.

В 80-е гг. издательством Всесоюзного юридического заочного института был выпущен ряд сборников научных трудов юристов, где публиковались статьи историков государства и права, историков учений о праве и государстве, предметом исследования которых были в основном проблемы средневековой истории государства и права и истории учений о праве и государстве. В сборнике «Развитие права и политике-правовой мысли в Московском государстве», изданном в 1985 г., вышли статьи В. И. Карпеца, предпринявшего попытку определить типические черты, характерные для идеологии Московского государства; Н. М. Золотухиной, изучившей предложенные государевым дьяком И. Тимофеевым варианты наилучшей формы организации верховной власти (формы правления) для России начала XVII в., а также предложенную им классификацию права с выделением коренных законов, к которым он отнес все избирательное законода-

тельство, считая его основным в государстве⁶⁸; Г. П. Толстопятенко, показавшего в своей работе степень влияния Московского государства на формирование обычаев и норм международного права; И. А. Исаева, выяснявшего структуру имущественных отношений по праву Московской Руси, и В. А. Рогова, проследившего процесс эволюции уголовной политики, реализуемой судебными органами Московского государства (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.⁶⁹).

В 1987 г. опубликован сборник научных трудов ВЮЗИ по теме «Сословно-представительные монархии: государственность – право – идеология» со статьями: Г. П. Толстопятенко «Международные договоры России периода сословно-представительной монархии», В. А. Рогова «Телесные наказания в русском праве периода становления и развития сословного представительства», Ю. П. Титова «К вопросу о сословно-представительной монархии в России», Н. М. Золотухи-

---

⁶⁸ См.: *Карпец В. И.* Некоторые черты государственности в государственной идеологии Московской Руси. Идея Верховной власти // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 3 21; *Золотухина Н. М.* Формы организации верховной власти во «Временнике» Ивана Тимофеева // Там же. С'. 22 50.

⁶⁹ См.: *Толстопятенко Г. П.* Влияние Московского государства на формирование и развитие обычаев и норм международного права // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. С. 77–90; *Исаев И. А.* Структура имущественных отношений по праву Московской Руси // Там же. С. 91 — 122; *Рогов В. А.* Эволюция уголовной политики в Московском государстве (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.) // Там же. С. 123–153.

ной «Проблемы периодизации истории развития русской политической и правовой мысли эпохи феодализма».

В 1986 г. Институтом государства и права Академии наук СССР был издан сборник «Развитие русского права в XV – первой половине XVII в.», в котором рассматривались источники средневекового права, правовое оформление институтов и учреждений, формирование отраслей права, понятие и виды наказаний. Отдельные главы посвящались судоустройству, реформированию судебных органов на протяжении XV – первой половины XVII в. и осуществляемому ими правосудию⁷⁰. По истории государства и права, а также политических и правовых учений вышел ряд учебников и учебных пособий, в которых рассматривались вопросы средневекового государственного и правового устройства (судоустройство и судопроизводство). Тем не менее советская правовая наука оставила много самых разных пробелов по проблемам российского Средневековья, восполнение которых составляет насущную задачу современных российских правоведов и историков.

---

⁷⁰ См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / под ред. В. С. Нерсесянца, А. А. Преображенского, С. И. Штамм. М., 1986.

Глава 3

Историография исследований законодательства и правосудия в современный период (с 1992 года)

Постсоветский период в изучении средневековой истории права, реорганизации судебных органов и осуществление ими правосудия в силу объективных условий развития науки в стране оказался более противоречив, чем предшествующее время. В первую очередь это относится к изданию источников по истории права. К сожалению, в последнюю четверть века уже нельзя наблюдать то содружество историков и юристов – историков права, которое позволило в 1950 — 1990-х гг. реализовать многотомные проекты: «Памятники русского права» и «Российское законодательство X–XX веков». Итогом этого стало прекращение издания и комментирования документов – основы исследований по истории государства, права судоустройства и судопроизводства.

Общегражданские историки продолжают плодотворную работу по открытию и изданию документов⁷¹, однако все

---

⁷¹ См.: Назаров В. Д. Актуальные задачи публикации правовых кодексов Русского государства сер. XVI – первой пол., XVII в. // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения: и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов и сообщения на V Всесоюзной конференции. Киев, 1990. С.

они являются преимущественно внутриорганизационными правовыми актами органов власти (десятники, писцовые книги) либо индивидуальными актами применения права (жалованные и отказные грамоты). Изданные в последние годы под редакцией Р. Л. Хачатурова тексты в составе много- томной серии «Учебно-научные пособия», опубликованные памятники права Древней и Средневековой Руси являются не более чем простым переизданием актов, опубликованных в 1950-х гг. Однако и такая их публикация тем не менее приветствуется, поскольку многие из правовых памятников, входивших в издания 1950-х гг., стали раритетами, а сами эти издания доступны только в электронном виде.

Представляет интерес публикация А. С. Смыкалиным «забытых» Судебников 1589 и 1606–1607 гг., прежние издания которых давно стали библиографической редкостью. Издание, предпринятое А. С. Смыкалиным, несомненно, восполняет определенный пробел, но оно, как и «Памятники права Древней Руси» под редакцией Р. Л. Хачатурова, только перепечатывает в сокращенном виде тексты памятников и комментарии к ним, содержащиеся в IV томе «Памятников...» и Судебниках XV–XVI вв., изданных АН СССР в 1952 г. Никаких самостоятельных и новых изысканий или привлечения работ, вышедших по данной теме, оба эти издания не содержат, но сам факт публикации редких памятников права следует оценить положительно. При издании А.

С. Смыкалиным Судебника 1589 г. и Сводного Судебника 1606–1607 гг. можно было бы учесть открытый В. Д. Назаровым новый список Сводного Судебника (впервые)⁷² и опубликованную в 2000 г. интересную статью В. А. Глухова, рассмотревшего институты уголовного права и систему наказаний по Судебнику 1606–1607 гг. Им проведено сравнение Судебника 1606–1607 гг. с предшествующими Судебниками, на основании которого выявлены все новеллы в области уголовного права, процесса и применения наказаний, содержащиеся в Сводном Судебнике⁷³. Э. В. Георгиевский проанализировал наказательную политику в Судебнике 1589 г. сравнительно с Судебниками 1497 и 1550 гг., кстати, подтвердив практику применения этого Судебника в северорусских землях⁷⁴.

Существенный вклад в публикацию нормативного материала и произведений средневековых мыслителей был внесен изданием «Антология мировой правовой мысли», в том IV которой вошли публикации источников права и правовой мысли Средневековья с XI и по XVII в. включительно⁷⁵.

---

⁷² См.: Назаров В. Д, Палеографический и текстологический анализ списков Сводного Судебника// Вестник МГУ. Сер. 9. 1967.

⁷³ См.: Глухов В. А. Институты уголовного права в Сводном Судебнике 1606–1607 гг. // Безопасность уголовно-исполнительной системы. Псков, 2000. № 9 (5). С. 43–49.

⁷⁴ См.: Георгиевский Э. В. К вопросу о преступном и наказуемом в эпоху Судебников XV–XVI вв. // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3.

⁷⁵ См.: Антология мировой правовой мысли XI–XIX вв. М., 1999. Т. IV.

Издание подготовлено юристами-историками. Достоинствами этой Антологии является публикация правовых документов (договоров, договорных грамот, постановлений и распоряжений князей, приговоров, указов, судебников, международных договоров) в сочетании с политико-правовыми доктринами, в которых разрабатывались вопросы, касающиеся организации верховной власти (формы правления) и способов ее законной реализации, образа ее носителя, а также содержания правовых норм, их применения судебными организациями, т. е. непосредственно процесса реализации правосудия.

В этом же ряду изданий находится и выпущенный издательством «Мысль» шеститомник, представляющий собой собрание судебных документов от «начала формирования судебной власти и до ее состояния в Российской Федерации»⁷⁶.

Следует отметить, что юристы – историки права в 1990—2000-х гг. активизировали внимание к средневековой истории русского права и процессу правоприменения. Так, В. А. Роговым было издано несколько работ по истории уголовного права и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв.⁷⁷

---

⁷⁶ См.: *Кутафин О. Ж., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. История и документы: в 6 т. М., 1997–2003, К сожалению, документы, касающиеся средневековой истории права, не вошли в это издание, ибо публикация документов об образовании и деятельности судебной власти начинается только с периода формирования и утверждения абсолютизма, т. е. с XVIII в.

⁷⁷ См.: *Рогов В. А.* Уголовное право и карательная политика в Русском государ-

Рассмотрение состояния темы на момент исследования привело В. А. Рогова к заключению, что в советский и современный периоды монографические работы в юридической науке по этой теме отсутствуют. В работе В. А. Рогова «Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв.» было отмечено, что затрагиваемые в ней проблемы, касающиеся уголовного права и политики репрессий по отношению к Судебникам 1589 и 1606–1607 гг., не анализировались вообще ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историко-правовой науке. Упоминания, содержащиеся в отдельных статьях, подчинены классовому анализу и явно преувеличивают репрессивный характер наказаний этих кодексов права. В определенной мере это касается и трудов по Соборному уложению. Так, В. А. Рогов отметил, что в работе К. Ф. Софроненко повторяется тезис о том, что «все цели наказания сводятся к устрашению»⁷⁸.

В работе В. А. Рогова (1992) содержится обзор отзывов иностранцев относительно существовавших в России кодексов права и репрессивной политики государства. На них часто ссылались исследователи, но систематический обзор именно по уголовно-правовой тематике был сделан впервые. В. А. Рогов также одним из первых выступил с опроверже-

---

стве XV–XVII вв. М., 1990; *Он же*. Уголовные наказания и репрессии в России. М., 1992; *Он же*. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995.

⁷⁸ *Софроненко К. А.* Соборное Уложение 1649 г. – кодекс русского феодального права. М, 1958. С. 46—51

нием тезиса о «необузданной жестокости» российского феодального права, обратив внимание на присущее в то время «карательной политике элементов здравого смысла, политического такта и большой доли терпимости». Проведенное им сравнение карательных санкций русского средневекового права с санкциями западных государств подтвердило выдвинутый им тезис.

Продуктивной в исследованиях В. А. Рогова является попытка выяснения влияния общественного мнения, получившего наиболее адекватное выражение в политических трактатах и публицистических произведениях мыслителей и публицистов, на законодателей и непосредственно на практику применения наказаний. Однако полного освещения эта тема у него не получила⁷⁹. Им не исследованы в этой работе санкции, содержащиеся в Судебниках 1589 и 1606–1607 гг., анализ которых мог бы полностью подтвердить выдвинутые им же самим предположения относительно репрессивной политики государства. К сожалению, в литературе до настоящего времени имеет хождение заключение, что в этих Судебниках «имеет свое логическое продолжение принцип устрашения, заложенный еще в Судебниках 1497 и 1550 гг.»⁸⁰.

Между тем в Судебниках 1589 и 1606–1607 гг. санкции

---

⁷⁹ См.: *Рогов В. А.* Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв.

⁸⁰ *Смыкалин А. С.* История возникновения и специфика Судебника 1606–1607 гг. // Русское законодательство конца XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2005. С. 89.

продолжают оставаться альтернативными и неопределенными, позволяющими судьям даже при применении статьи, содержащей санкцию, предписывающую смертную казнь, назначить другой вид наказания. В них отсутствует указание на способ применения смертной казни, а при назначении наказания в виде битья кнутом количество ударов не устанавливается, как и сроки тюремного заключения. Указания о них, как правило, весьма неопределенны: «вкинута в тюрьму» или «вкинули в тюрьму до государева указа». Следует согласиться с тем, что такая неопределенность в санкциях дает возможность уменьшить тяжесть наказания. Судья, например, мог назначить не 50 ударов, а только 5, определить тюремное заключение сроком не в 15, а в 5 лет и т. д., но могло быть и наоборот. При выборе санкции судьей приоритет явно остается «за крепкой порукой», даже если речь идет о совершении тяжких преступлений. Законодателя прежде всего интересует возможность возмещения ущерба потерпевшей стороне и предупреждение рецидива в дальнейшем со стороны осужденного лица. «Крепкая порука» обеспечивает надзор за поведением преступника, проживающего с поручителем совместно на территории одной общины. Даже если не находится желающих предоставить «поруку», то предлагается «вкинуть в тюрьму» преступника до тех пор, пока «крепкая порука» не отыщется. В случае если преступник раскаивается, наказание ему, безусловно, смягчается, во всяком случае, смертная казнь ему уже не грозит.

Барона Мейерберга, посетившего Россию в XVI в., удивила мягкость приговоров, выносимых по отношению к раскаявшимся преступникам. Его поразило, что признавшего свою вину и раскаявшегося вора, укравшего драгоценности из церкви, посадили всего на 42 дня в смиренный дом, а затем отправили в монастырь, в то время как в других странах ему бы не миновать костра⁸¹.

В. А. Рогов в более поздней работе⁸² вновь повторил свой вывод о явном преувеличении представления о жестокости наказаний в средневековом российском праве и продолжил свои изыскания в области определения влияния идеологии на реализацию законодательства о смертных казнях, связанные с выяснением категориального аппарата мышления средневекового человека. В этой работе им исследовался несколько другой аспект идеологического влияния на практику применения смертных казней, а именно «влияние народной идеологии». Постановка вопроса, безусловно, правомерна, поскольку влияние общественной (в том числе и политико-правовой) мысли весьма значительно, ибо именно мыслители и публицисты первыми выступают с критикой недостатков существующего государственно-правового устройства, аккумулируя в своих произведениях ожидания общества от законодателей, а впоследствии в своих трактатах и публицистических произведениях легитимируют про-

---

⁸¹ См.: Мейерберг А. Утверждение династии. М., 1997. С. 75.

⁸² См.: Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России.

исходящие перемены, выражая их одобрение или порицание.

Общественное мнение, представленное в такой форме, влияет на законодателей, довольно часто вынуждая их принимать соответствующие нормативные акты⁸³. Например, Губная и Земская реформы были приняты под давлением снизу, ибо местническая практика реализации власти и управления, особенно собирания налогов и вершения правосудия, довольно широко обсуждалась в публицистике и в конечном счете подвела правительство к необходимости глубокого реформирования всей организации власти и суда на местах. Приговор царский о кормлениях и службе 1556 г., активизировавший повсеместное внедрение выборной местной власти и суда, прямо ссылается на то, что причиной принятия этого акта являлись критические замечания, систематически поступавшие в адрес местников, особенно в области собирания налогов и судопроизводства. Действительно, местническое управление осуждалось многими мыслителями (И. Пересветовым, Максимом Греком, Зиновием Отенским и др.). Принятие Приговора о лжесвидетельстве и

---

⁸³ Следует отметить, что исследование нормативных источников совместно с учениями о государстве и праве, выраженными в различных жанровых формах: трактаты, послания, поучения, видения, беседы и т. д. – применялось достаточно давно. См., например: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. М., 1900; СПб., 2004; *Шмидт К.* Диктатура. СПб., 1984. В России такая методология исследования характерна для работ Б. Н. Чичерина «Курс государственной науки» (М., 1898), «Курс истории политических учений» (в 5 т.), 80 90-е гг. XIX в.) и др.

ложных исках 1582 г. также вызвано осуждением общественным мнением корыстного лжедоносительства и лжесвидетельства, на что и отреагировал законодатель запретительными мерами, сопровождавшимися санкциями. Таких примеров можно привести множество (причем в любую историческую эпоху), поэтому представляется весьма продуктивным метод совместного изучения нормативного материала и учений о праве и государстве⁸⁴.

Что касается вопроса о наказаниях, предусмотренных нормативными актами, то следовало бы отделять наказания, непосредственно содержащиеся в санкциях законов, от практики пыток, применяемых при задержании преступника и расследовании совершенного им деяния соответствующими работниками судебного аппарата.

В. А. Рогов справедливо заметил, что беззакония и казни, совершаемые в период опричнины, никак нельзя относить к законодательству, поскольку выдвигаемые царем обвинения «не зависели от норм действующего права»^{*} Опричнина, развязавшая в стране кровавый террор, применяла различные изощренные виды пыток и способы смертной казни, которые совершались исключительно в силу «присвоенного Иваном IV права» бесконтрольно подвергать наказани-

---

⁸⁴ В. А. Рогов применил этот метод изложения материала в монографии, правда, в сокращенном Объем (см.: *Рогов В. А., Рогов В. В.* Древнерусская правовая терминология в отношении теории права (Очерки IX – середины XVII в.). М., 2006).

ям лиц, заподозренных царем в измене, крамоле и т. п.⁸⁵ Рассматривая далее политику Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского, В. А. Рогов, к сожалению, конкретно не изучал тексты законов, изданных этими царями.

Восстановление законности В. А. Рогов связывает только с царствованием Михаила Романова. Представляется, что этот процесс начался значительно раньше, ибо меры к восстановлению законности принимались Федором Иоанновичем, Борисом Годуновым и Василием Шуйским и даже Лжедмитрием I.

Василий Шуйский при вступлении на престол клятвенно обещал подданным правовую защиту личности и имущества каждого из них. В 1610 г. при заключении и договора с польским королем Сигизмундом III о приглашении королевича Владислава на Московское государство русская сторона тщательно прописала организацию высших органов власти и управления и основные принципы реализации правосудия в государстве.

В. А. Рогов ссылается на бессудные расправы населения с поляками, а поляков с россиянами, но это вопрос другой. Законодательство и его уровень – отдельная тема, и она показательна для менталитета законодателя и его реализации именно в нормативных актах, а не в отношении к поступкам

---

⁸⁵ См.: Рогов В. А. Уголовные наказания и репрессии в России. С. 30, 47, 48, 51 и др.

подданных, особенно в ситуации, когда одной стороной являются вызывающие ненависть оккупанты. В. А. Рогов поставил много вопросов, на которые еще не получены ответы, в частности, недостаточно исследован вопрос о законодательстве периода конца XVI – первой половины XVII в. и о влиянии идеологии на его принятие⁸⁶. Эта тема еще ждет своих исследователей.

Интересные соображения приводит В. П. Емельянов, изучавший историю террора в России в сравнении со странами Западной Европы⁸⁷. Он выделяет такое понятие, как «государственный террор», и связывает его с репрессивной политикой действующей власти по отношению к своим противникам. Но только ли к противникам? Террор, развязанный опричными мероприятиями Ивана Грозного, он называет почему-то «судебным террором». С такой постановкой вопроса никак нельзя согласиться, ибо по своей сущности это был как раз террор, совершаемый от имени государства, причем именно внесудебный, ибо казни совершались без суда и следствия, по приказанию царя и близких к нему сановников, и исполнялись они не палачами, предназначенными по должности к этому роду деятельности, а простыми людьми, которых царь заставлял «самих руки кровавить и резать че-

---

⁸⁶ См.: *Рогов В. А.* Проблемы истории русского уголовного права (XV – середина XVII в.): дис... д-ра юрид. наук. М., 1999.

⁸⁷ См.: *Емельянов В. Л.* Террор и терроризм: вопросы ограничения // *Право и политика.* 2000. № 4. С. 67–77.

ловеков по суставам»⁸⁸.

Невозможно также согласиться с версией Емельянова, утверждающего, что разгул *внесудебного террора* особенно проявился в царствование Годунова и Шуйского, когда во время гражданской войны и сражения с войсками лжецарей и польскими отрядами армии воюющих сторон расправлялись друг с другом, минуя суды и законы. Совершенно непонятно, почему террор, развязанный самим главой государства – Иваном IV, назван «судебным», а зверства, совершаемые солдатами обеих сторон во время войны, – внесудебными. Дело здесь в том, что террор «государственный» (по-видимому, автор имеет в виду террористический политический режим) обычно направлен не только против врагов правителя, но и против его подданных (как это и было в опричный период, да и в ряде других более современных ситуаций), и является как раз внесудебным террором, при котором наблюдается полное попрание законов и судебных процедур. Зверства же, допускаемые солдатами воюющих армий по отношению друг к другу, вообще к террору как теоретическому понятию никакого отношения не имеют.

Работы, посвященные истории смертной казни в России, как правило, имеют более конъюнктурный, чем исторический характер и ставят задачей аргументировать отношение современных авторов к проблеме смертной казни, являю-

---

⁸⁸ Курбский А. М. Предисловие к Новому Маргариту // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. XVI в. С. 558.

щейся актуальной в настоящее время⁸⁹.

Истории российского правосудия посвящена работа коллектива авторов под редакцией Н. А. Колоколова⁹⁰ – монография позиционирована как «профессиональный учебник» по специальности «юриспруденция». В ней представлена хронология развития суда в России в IX–XXI вв. Рассмотрению судебной власти в Московском государстве посвящены шесть глав. В гл. 4–7 рассмотрена деятельность Боярской думы как высшей судебной инстанции (вопрос о ее статусе авторы не поднимают) и судебные полномочия приказов (судебных, территориальных и иных), а также состав и деятельность всех видов церковных судов. В гл. 8–10 исследован судебный процесс в двух его видах – состязательный и инквизиционный, система судебных доказательств и ее эволюция на протяжении рассматриваемого периода. Однако, рассматривая судебную систему Московского государства XVI–XVII вв., авторы почти не касаются Судебной реформы 30–50-х гг. XVI в., существенно изменившей ее низовое звено и установившей отношения с вышестоящими приказными судами (об этом бегло и в общих словах). Не рассмотрены также должностное положение судей и их помощников (дьяков и недельщиков и др.), их обязанности и ответственность за их нарушение. Схематично изложен материал о су-

---

⁸⁹ См., например: *Шишов О. В.* Смертная казнь в истории России // Смертная казнь: за и против / отв. ред. С. Г. Келина. М., 1989. С. 29–39.

⁹⁰ История российского правосудия / под ред. // А. Колоколова. М., 2009.

дебных доказательствах, не показаны изменения отношения к таким видам, как «поле» и крестоцелование. Возрос интерес к свидетельским показаниям, их классификации, роли письменных доказательств, правил их оформления (законодательство начала XVII в.). В отличие от остальной части монографии в изложении вышеупомянутых глав недостаточно привлечен нормативный материал. Есть ссылки на Судебники 1497 и 1550 гг. Упоминаются без рассмотрения Двинская и Белозерская грамоты. Но отсутствуют даже упоминания о Судебнике 1589 г. и Сводном Судебнике 1606–1607 гг., а также приговорах, указах и уложениях, принимавшихся царем и Боярской думой во второй половине XVI и первой половине XVII в. Авторы не коснулись также и статуса Земского собора как высшей судебной инстанции.

Авторы подвергли исследованию слишком большой временной период, в результате в теме «Судебная система в Московском государстве» осталось много нерассмотренных и неразрешенных проблем.

Необходимо отметить, что историки-юристы в последние десятилетия XXI в. активизировали диссертационные исследования, посвященные уголовному праву, процессу, судоустройству и судопроизводству в средневековой Руси, охватывая при этом широкий круг тем. В советский период такие исследования в юридической науке вообще не предпринимались⁹¹.

---

⁹¹ В этом вряд ли можно упрекнуть историков-юристов, потому что такие темы

К. В. Петровым была защищена диссертация на тему «Приказная система управления в конце XV–XVI вв.» (СПб., 2000), в которой анализировалась нормотворческая деятельность приказов как одного из главных элементов государственного механизма, связанного с законодательным процессом, наделенного к тому же и судебными полномочиями. К ведению приказов было отнесено проведение следствия, вынесение решения и его исполнение. Особенность деятельности этих органов выражалась в нерасчлененности их обязанностей, поскольку они обладали административной и судебной властью одновременно. В XVI в. установилась довольно четкая классификация приказов по роду их деятельности и территориальной принадлежности. В компетенцию Разбойного и Земского приказов, возникших в ходе реализации Губной и Земской реформ, входило расследование тяжких уголовных преступлений, вершение суда и исполнение приговоров на территории всего государства и в Москве. Особым юридическим статусом был наделен Челобитный приказ, осуществлявший функции высшей апелляционной инстанции по судебным и административным делам, решенным в любом другом приказе.

Назначение приказных судей являлось исключительной прерогативой царя и Боярской думы. Порядок прохождения и решения дел в приказах имел строго разработанную про-

---

учеными советами вузов и научно-исследовательских институтов, как правило, не утверждались.

цедуру, согласно которой предварительно дела готовились к рассмотрению подьячими и только после проверки всех необходимых обстоятельств и установления подсудности иска или жалобы данному приказу дело с пометой «к вершению» поступало на рассмотрение судей приказа в порядке установленной очередности.

Приказы являлись важным звеном судебной системы в XV–XVII вв., они не только сами рассматривали серьезные уголовные дела (по тяжким уголовным и должностным преступлениям), но решали наиболее сложные гражданские ситуации, а также руководили всеми выборными судами на местах, входившими в территориальную компетенцию каждого приказа. Поэтому изучение ключевого для всей судебной системы учреждения имеет большое значение не только для понимания деятельности всех звеньев сформированного в середине XVI в. государственного аппарата, но и для представления о структуре и формах деятельности образовавшейся при реализации Губной и Земской реформ вертикальной системы в судебной организации.

Результаты реформы были настолько существенными, что Н. Е. Носов увидел в новой организации судебных органов на местах «прообраз суда присяжных». Развитие судебной системы в Московском государстве во время проведения широкомасштабной Земско-губной реформы стало предметом диссертационного исследования Д. П. Сумина⁹². Диссертант

---

⁹² См.: *Сумин Д. П. Судебные органы Московского государства XV–XVII вв.*

совершенно справедливо полагает, что комплексное изучение всех звеньев судебной системы, сформированной на основе Земской реформы, способно помочь выработать более приемлемую модель организации и функционирования судебных органов в настоящее время. Ибо поиски оптимальной модели судоустройства и судопроизводства продолжаются.

Д. П. Сумин проанализировал судебные функции монарха, Боярской думы и Земских соборов в качестве звеньев центральной судебной системы. Заслуживает внимания вывод о том, что в Московском государстве уделялось большое внимание рассмотрению дел в центральных судебных органах: за конкретное преступление ответственность наступала не в соответствии с общими правилами определения наказания, а индивидуально в каждом отдельно взятом случае и даже лично самим царем. В случае альтернативной санкции право выбора принадлежало также царю.

Рассмотрено законодательство, нормирующее судебную деятельность приказов, но, к сожалению, только Судебниками 1497, 1550 гг. и Соборным уложением. «Забытые» большинством современных исследователей Судебники 1589 и 1606–1607 гг. «забыты» и Суминым, как и все законодательство второй половины XVI – начала XVII в., а между тем в этих нормативных актах довольно подробно регламентиру-

ются деятельность низового судебного звена и формы ее взаимодействия с приказами.

Рассматривая правовое положение центральных органов власти и суда, Сумин неожиданно приходит к заключению о наличии только совещательных функций у Земского собора, не отрицая при этом их «активной государственной рол» во второй половине XVI в. Это заключение не подтверждено аргументацией. Причем дискуссионный вопрос о наличии/отсутствии у Земского собора высших судебных полномочий не рассматривается.

Однако в целом работа интересная, особенно благодаря привлечению архивного материала и рассмотрению на его основании отдельных примеров и казусов судебных процедур. К тому же исследование практической реализации Губной и Земской реформ на материалах Нижегородской губернии может быть в какой-то мере даже поучительным для наших современников, ибо хотелось бы надеяться, что в этом плане изучение судебной системы, функционировавшей в Московском государстве в XVI–XVII вв., будет продолжено.

Несомненный интерес представляет диссертационная работа А. И. Сидоркина на тему «Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв. Проблемы правового регулирования, систематизация и применение» (Казань, 2005). Автор изучил византийское законодательство, в частности Эклогу и Прохирон, и показал степень влияния этих сборни-

ков законов, получивших большое распространение в России, особенно в средневековый период, на применение наказаний, связанных с лишением свободы, поделив их применение на два этапа: первый – IX–XIV вв.; второй – XV–XVI вв. На первом этапе этот вид наказания в основном находился практически полностью в церковной сфере и в большей степени имел религиозный, чем светский характер. На втором этапе он выводится из сферы канонического права и становится прерогативой светского великокняжеского права, не лишаясь при этом христианской идеологизации, сохраняя определенную сакрализацию по отношению именно к этому виду наказания, которая, по мнению автора, исчезнет только в XVIII в., да и то не окончательно.

Под влиянием византийского права первые ограничения свободы правонарушителей на Руси происходили в виде заключения в церковный дом или монастырь и предусматривали в большей степени приведение преступника к покаянию и раскаянию и, таким образом, его исправлению путем воздействия на духовную сферу, способствуя очищению его совести. Этим обстоятельством А. И. Сидоркин объясняет сохранившийся в законодательстве XV – начале XVII в. (по классификации диссертанта, во втором периоде) обычай назначения тюремного заключения без указания срока (что также отнюдь не свидетельствовало о «жестокости русского средневекового права») или борьбы с неудобными элементами, что позволяло изолировать их без указания срока.

А. И. Сидоркин усматривает в такой неопределенной санкции наличие зависимости ее окончания от раскаянья и исправления преступника, поскольку только с достижением этого духовного состояния может быть прекращено заключение. Поэтому А. И. Сидоркин утверждает, что бессрочное назначение наказания не преследовало цели устрашения преступника, напротив, преступнику предоставлялась возможность принесения покаяния и исправления, не связывая это с формальными сроками. А. И. Сидоркин усматривает в таком обосновании бессрочности наказания прямое влияние византийского канонического права. В качестве покаянно-исправительных учреждений использовались монастыри, которые не сразу стали суровыми монастырскими тюрьмами, а в течение длительного времени были именно покаянно-исправительными обителями, пребывание в которых не рассматривалось как кара или отмщение за совершенное деяние, а только как способ исправления преступника.

Наказание в качестве изоляции преступника (тюремное заключение) начинает практиковаться в середине XVI в. в централизованном государстве, когда стала применяться и такая мера, как «отдача в рабство преступника потерпевшему», который сам становился исполнителем наказания. Но эта мера применялась совсем не однозначно. Довольно мягкий по санкциям Судебник 1589 г., предусмотренный для регулирования отношений свободного черносошного крестьянства, знал такой вид наказания, а принятый всего через

восемь лет, но уже в суровые годы гражданской войны Судебник 1606–1607 гг. строго запрещал отдачу преступника потерпевшему, причем повторил этот запрет в нескольких статьях. Это обстоятельство нуждается в объяснениях и более тщательном исследовании.

А. И. Сидоркин приходит к выводу, что само понятие лишения свободы начинает рассматриваться как санкция за совершение уголовного преступления только в XVI в. Судебник 1550 г. устанавливает, что тюремное заключение – вид светского уголовного наказания, но за этим видом наказания все равно сохраняется презумпция возможного исправления преступника. Сидоркин усматривает в репрессивной политике государства взаимопроникновение светского и религиозного начала, которое, как ему представляется, сказывается в сохраняющейся неопределенности санкций, предусматривающих тюремное заключение. Для монахов местом заключения остается монастырская тюрьма, отличающаяся тяжелыми условиями, при этом, по мнению Сидоркина, цель заключения и в этом случае презюмируется исключительно в достижении покаяния преступника.

В этом отношении также трудно согласиться с автором и представляется, что им допускается некоторая идеализация монастырского тюремного заключения и его целей, поскольку известны примеры жестокого содержания невинных людей в монастырских тюрьмах с весьма тяжелыми условиями пребывания в них. Так, Соборный приговор 1525 г. был вы-

несен Максиму Греку, обвиненному митрополитом Даниилом в грехах (поступках), которых он и не совершал никогда («доказательства» были «добыты»), на него было возведено ложное обвинение подставными, подкупленными или запуганными митрополитом свидетелями. Приговор отличался чрезвычайной жестокостью: «И заключену ему быти в некоей келье молчательне. И никак© же исходяще быти весьма, да яко и тамо врежение. Еже от него ни на единого же да не распрозстиранится. И да не беседует ни с кем же, ни с церковными, ни с прстыми, ни монастыря того ниже иного монастыря мнихи. Но ниже писанием глаголати или учити кого, или какво мудрование имели, или к неким послати послание, или от неких примати, ниже собою, ниже инеми, ниже сообщались, и дружбу имели с кем, или ходатайство свойственно показали, но точию в молчании сидети и каялись о своем безумии и еретичестве. Юза (наказание с затворением) ему соборная наложена от нас есть, яко в отлучении и необщении быти ему совершении». При этом для соглядатайства за ним Соборным судом были назначены надзирателями два инока Волоколамского монастыря – его идеологические противники. К тому же самого Максима Грека, уже немолодого и глубоко верующего человека (старше 50 лет), отлучили от причастия⁹³. Максим Грек впоследствии написал, что в течение шести лет пребывания в заключении в Волоколамском монастыре он был «морим голодом, холодом

---

⁹³ См.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 122.

(«мразом») и удушаем дымом». так что даже неоднократно терял сознание.

Вряд ли при таких обстоятельствах возможно говорить об ожидании какого-либо исправления от невинного, оклеветанного человека. К тому времени Максим Грек обладал заслуженной славой философа и был хорошо известен не только в России, но и за рубежом. Однако помочь ему никто не смог. Авторитетный и почитаемый самим великим князем Василием III митрополит Макарий писал заключенному в молчальной келье Волоколамского монастыря Максиму Греку, сострадая ему: «Узы твои целуем, а пособить не можем».

Заключение в тюрьму, предусмотренное Судебниками, столкнулось еще с некоторыми обстоятельствами, которые вынуждали не применять этот вид наказания, заменяя его другими мерами воздействия, а для особо опасных преступников – смертной казнью. В Приговоре о разбойных делах, принятом в 1556 г., говорится о неудовлетворительном состоянии тюрем. Представители местных властей жадуются на недостаточное количество тюрем и отсутствие постройки новых: «тюрем не ставят и крепостей к тюрьмам и сторожей не дают и великого князя не слушают... разбойники из тюрем утекают», кроме того, «сидят в тюрьмах многие люди, и дела их в пожар погорели и сыскать про них нечем» и что с ними делать местным властям, неизвестно. Заключенные в тюрьмах содержатся плохо, «тиуновы люди на них поминки емлют, а с ыных платья сымают, а иных... кнутом бива-

ли...»⁹⁴, Так что ни о каком спасении души и речи нет. И вовсе не Смута разрушила сакральность наказания, как полагает А. И. Сидоркин, оно и до Смуты было уже утрачено.

А. И. Сидоркин считает, что Соборное уложение 1649 г. стремилось сохранить старые (религиозные) подходы к наказанию как к пути исправления преступника, но вместе с тем диссертант не отрицает, что «со второй половины XVII в. начался открытый пересмотр традиционных воззрений в сторону превентивного террора». Кстати, автор не раскрывает, в чем именно (каких формах) он усматривает «превентивный террор», каковы его цели, против кого он направлен, и не поясняет, кто и какими средствами его осуществлял.

А. И. Сидоркин выражает надежду, что усиление духовно-нравственных начал в пенитенциарной политике государства уже в настоящее время сможет выполнять созидательную, а не сугубо репрессивную роль в плане исправления осужденного и предупреждения преступлений. Остается только удивляться, как быстро забыты и Соловецкий лагерь, и другие лагеря XX в., где эта функция неоднократно провозглашалась и даже размещалась на воротах этих страшных мест заключения, но была чистой фикцией, прикрывавшей разгул ничем не оправданных репрессий. Реальное осуществление воспитательной функции по отношению к преступникам автор надеется достигать с помощью священни-

---

⁹⁴ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII [В, С. 33–34.

ков. Это мечта или непонимание функции наказания? Как представляется, более прав Ф. В. Гегель, считавший основной функцией наказания возмездие преступнику за совершенное зло.

Однако в целом, рассматривая творческий потенциал этой работы, следует отметить, что она, безусловно, внесла ценный вклад в исследование формирования и развития такого вида наказания, как лишение и ограничение свободы. Весьма интересен взгляд автора на усвоение русской пенитенциарной политикой византийского влияния, и его переработку применительно к условиям российской действительности, но с сохранением основополагающих идей, восходящих к Эклоге, Прохирону и Посланию Фотия (Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому). Эти византийские источники права и политической идеологии были действительно широко распространены в Московском государстве, на них часто ссылались церковные и светские мыслители и публицисты, цитируя их в своих произведениях, и они, естественно, были знакомы и законодателям.

Представляет интерес работа А. А. Рожнова «Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве XV–XVII вв.» (М., 2012), в которой серьезное внимание уделяется исследованию уголовного права и процесса, складывавшихся уже в централизованном Московском государстве. Эволюция понятия преступления, выра-

жившаяся в изменении понимания преступного деяния уже не как вреда, причиненного отдельному лицу, а как общественно опасного деяния, привела к утрате частного характера и приобретению публично-правового значения, что повлекло за собой изменения практически во всех уголовно-правовых институтах.

Выделение понятия «лихой человек», по мнению А. А. Рожнова, стало означать профессионального преступника и, как он полагает, являлось уже само по себе достаточным для привлечения его к уголовной ответственности. Но в литературе существует и другая точка зрения, согласно которой характеристика человека как «лихого» или «злого» сама по себе наказания не влекла, а служила лишь отягчающим обстоятельством при определении наказания за реально совершенное преступление. К сожалению, А. А. Рожнов эту дискуссионную проблему в своей работе не обсуждает.

А. А. Рожнов убедительно показал, что в связи с усложнением структуры государства и централизацией его власти и управления, распространяющейся уже на всю территорию, объединенную единой властью великого князя Московского, а затем и царя, произошли качественные изменения в институтах уголовного права, получил распространение инквизиционный процесс, разрабатывается понятие вины (умышленной и неумышленной), понятие соучастия, меняется отношение к принимаемым судом доказательствам, внимание судов сосредоточивается на свидетельских показа-

ниях и письменных документах, оформленных надлежащим образом. В XVI в. наряду с принятием Царского Судебника в 1550 г. почти одновременно появляются решения Стоглавого собора (1551), а также целый ряд приговоров, указов и уложений: Приговор о разбойных делах (1555), Указ о татевных делах (1555), Приговор о губных делах (1556) и ряд других, которыми вносятся новеллы в процесс их расследования, доказательственную базу, принципы оценки доказательств, а также репрессивную политику государства⁹⁵. Исследователь справедливо отметил, что в Московском государстве смертная казнь применялась редко, обычно суды заменяли ее выдачей преступника «на крепкую поруку», с тем чтобы он имел возможность возместить ущерб потерпевшему, а общество получило гарантии предупреждения от рецидива с его стороны, рассчитывая на «крепкое» наблюдение за ним со стороны общины, а также земского и волостного выборных управлений, которому к тому же еще и подчинялись учрежденные при земских избах десятские, пятидесятские и сотские, обязанные наблюдать за порядком.

Рассматривая источники уголовного права России XV–XVII вв., включая и Соборное уложение 1649 г., А. А. Рожнов не упоминает (в автореферате) о Судебниках 1589 и 1606–1607 гг. Автор ссылается на якобы впервые проведенную в его работе систематизацию и обобщение высказыва-

---

⁹⁵ В автореферате содержание этих нормативных актов А. А. Рожновым не рассматривается.

ний иностранцев относительно действующего права, судебной системы и самого процесса вершения правосудия. Приведенный материал, действительно, представляет интерес, но предметом исследования он уже был в работах В. А. Рогова (как указано выше). К сожалению, ни в одной из работ, касающихся состояния правосудия в Московском государстве (в том числе и у В. А. Рогова), не рассмотрена его критика отечественными современниками, а между прочим, они глубоко и предметно критиковали существующую судебную систему и способы ее реализации, высказывая интересные предложения по ее усовершенствованию (Максим Грек, А. М. Курбский, И. С. Пересветов, Зиновий Отенский и др.).

В советский период этот материал вообще отвергался из-за недоверия к современникам, поскольку презюмировалось, что они не могли в силу субъективных причин правильно оценивать близкую им ситуацию (С. Ф. Платонов, И. И. Полосин, О. А. Державина и др.). Представляется, что пора бы преодолеть этот взгляд, причем если иностранцев по тем или иным причинам можно было бы подозревать в недоброжелательстве по отношению к России, то российские писатели и публицисты искренне хотели помочь своему отечеству избавиться от недостатков и восстановить в стране законность и правосудие, особенно после серьезного ущерба, нанесенных им опричниной.

А. А. Рожнов справедливо указывает на обширность задач по «систематизации в хронологической последовательности

знания о фактах, отражающих динамику русского уголовного права и его форм в XIV–XVII вв.», выражая надежду, что их всестороннее решение «станет частью современного научного знания» благодаря дальнейшим исследованиям⁹⁶.

Положительным качеством историко-юридических работ, написанных в период перестройки и настоящее время, является их освобождение от устоявшихся схем и догм, в том числе имевших место еще в дореволюционный период, и объективное рассмотрение проблем средневековой истории государства и права в сопряжении с темой реализации правосудия. Например, существенному пересмотру подвергся вопрос о времени формирования сословий в России и их социальном статусе. Историки права отошли от привычной схемы противопоставления: реакционное боярство и прогрессивное дворянство⁹⁷; оценки средневековой идеологии

---

⁹⁶ См.: Рожнов А. А. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве XV–XVII вв.: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2012.

⁹⁷ См.: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России Изыскание о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 10–11, 419–420; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 10, 199–218; Кром М. М. «Вдовствующее царство». Политический кризис 30–40-х годов XVI в. М., 2010. С. 16. Судя по содержанию законодательства этого периода, такая борьба все-таки была, но она не носила такого примитивного характера: «дворяне за централизацию, бояре за феодальную раздробленность», ибо за единое и централизованное государство тогда были все социальные слои населения, противоречивые интересы двух привилегированных сословий выражались в борьбе за землю и особенно за рабочие руки. Правительство стремилось действительно ограничивать аппетиты богатых вотчинников-бояр, часто выступая на стороне помещиков-дворян, которые составляли ос-

и средневековых нормативных актов только в сфере отражения в них классовой борьбы; характеристики мыслителей XV–XVI вв. как апологетов самодержавия и т. п.⁹⁸

В настоящее время русское Средневековье во всем его объеме: документы и произведения мыслителей и публицистов – вызывает серьезный интерес, причем среди не только профессиональных ученых, но и широкой публики, интересующейся отечественной историей, и в частности формированием и деятельностью судебной власти, осуществлением правосудия и отражением этого процесса в произведениях средневековых мыслителей. Между тем в целом исследования судебных органов XVI–XVII вв. лишены ценностных подходов, носят преимущественно инструментальный характер. Таковыми, в частности, являются труды Н. Н. Ефремовой, Л. А. Морозовой, Л. В. Батиева, А. С. Смыкалина, Д. П. Сумина и др.⁹⁹ Это проявляется даже в том случае, ко-

---

новной костяк русского войска.

⁹⁸ Классовая борьба вообще-то никем не отрицается, но указывается на необходимость учитывать и другие виды противоречий, волновавшие российское общество: бедных и богатых («когда одни множатся в куплях, а другие оскудевают», как писал Иосиф Волоцкий); религиозные противоречия, выливавшиеся в острые споры по поводу тринитарного и других вероучительных догматов; должностные (о них очень хорошо написал Тимофеев, отметивший, что благодаря этой борьбе чины предоставляются за взятки дьякам, неспособным даже «имени своего на хартиях начертать»); сословные, которые стали одной из причин революции 1917 г., и многие другие, наличествующие практически в любом обществе и во все времена. Речь идет не о непризнании классовой борьбы, а о том, чтобы учитывать все виды социальных противоречий в обществе.

⁹⁹ См., например: *Морозова Л. А.* Судебная реформа середины XVI в. (Губное

гда рассматриваются вопросы преследования за совершение политических преступлений¹⁰⁰. Особое место в историографии занимает дискуссия относительно правового и политического содержания нормы ст. 98 Судебника 1550 г. Речь идет об оценке ее значения в законодательстве и применении на практике Русского государства в XVI в. Дискуссия началась еще в дореволюционный период и продолжается до настоящего времени¹⁰¹. (Подробно содержание этой дискуссии в настоящем издании приводится при рассмотрении Судебника 1550 г.)

Актуальным представляется исследование таких вопросов истории отечественного права, как регулятивное значе-

---

и земское самоуправление и выборные суды на местах) // Государство и право. 2011. № 5. С. 92–99; *Батиев Л. В.* Судопроизводство в России в кон. XVII – нач. XVIII вв.: автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1992; *Смыкалин А. С.* Судебная система Российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV–XVIII вв.) // ВИ. 2004. № 8. С. 49–69; *Сумин Д. П.* Указ. соч.; *Петрова А. Н.* Реформы государственного управления и судебная система Московского государства во второй половине XVII века // Мир юридической науки. 2009. № 4. С. 58–62; *Тиганов А. И.* Правовой статус судей в России в XVII – начале XX в.: историко-правовое исследование: автореф. дис... канд. юрид. наук. Курск, 2012.

¹⁰⁰ См.: *Голикова Н. Б.* Организация политического сыска в России XVI–XVII вв. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. Памяти А. Д. Горского. М., 1991. С. 11–36; *Савченко Д. А.* Ответственность за государственные преступления в Московском царстве первой половины XVII в. Новосибирск, 2013.

¹⁰¹ См.: *Фроянов И. Я.* Комментарии к ст. 98 Судебника 1550 г. // Исследования истории средневековой Руси, VI.; СПб., 2006, С. 145–155.

ние закона в праве XVI–XVII вв.¹⁰², взаимосвязь нормативного акта и нормы обычая, существование судебного прецедента¹⁰³, причем речь может идти не только о судебном прецеденте, но и о правовой доктрине, поскольку средневековые судьи в большинстве случаев при вынесении решений и приговоров ссылались не на закон (Судебник), а на справедливость, которая в их понимании опиралась на традиционное понимание правды, справедливости и истины: этот вопрос не только не исследовался, но даже и не поднимался¹⁰⁴.

---

¹⁰² См.: *Рогов В. А., Рогов В. В.* Русская средневековая правовая норма и ее отражение в законе (логика построения, проблема казуальности и архаичности) // Вестник МГИУ. Сер.; Гуманитарные науки. 2005. № 1 (7). С. 121–133; *Petrov K. V.* Значение «закона» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Cahiersdu Monde Russe. 2005. XI.VI. No. 1/2. P. 167–174; *Петров К. В.* Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175; *Он же.* Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 365–382; *Кистерева С. Н.* Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в. // Очерки феодальной России. М., 2007. Вып. 11. С. 444–461; *Он же.* Закон и порядок в средневековой Руси (ответ К. В. Петрову) // Очерки феодальной России. С. 383–406.

¹⁰³ См.: *Петров К. В.* «Прецедент» в средневековом русском праве, XVI–XVII вв. // Государство и право. 2005. № 4. С. 78–83; *Рогов В. В.* Проблемы судебного прецедента и судебной практики как источниках права в дореволюционной отечественной историографии // Femis. Ежегодник истории права и правоведения. 2009. М., 2010. Вып. 10. С. 5.

¹⁰⁴ Впервые он был поставлен К. В. Петровым в докладе на тему «Правовые основания вынесен и судебных решений в Московском великом княжестве

Новыми проблемами историко-правовой науки, активно изучаемыми в постсоветский период, являются: нормотворческая практика¹⁰⁵, правовая терминология (ее историческое и современное содержание)¹⁰⁶, принципы права, имплицитно содержащиеся в нормах права¹⁰⁷, формы средневеко-

---

XV в.», прочитанном на Международной научно-практической конференции в Российском государственном университете правосудия; 13–17 апреля 2015 г. (секция X).

¹⁰⁵ См.: *Томсинов В. А.* Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV–XVI вв.): статья 1 // Законодательство. 2005. № 4. С. 76–81; *Он же.* Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV–XVI вв.): статья 2 // Законодательство. 2005. № 5. С. 75–80; *Он же.* Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV–XVI вв.): статья 3 // Законодательство. 2005. № 6. С. 85–89; *Он же.* Развитие русской юриспруденции в XVII столетии: статья 6 // Законодательство. 2006. № 1. С. 72–76; *Царьков И. И.* Нормотворчество: от приказа-повеления к закону, от закона к праву // Право и политика. 2003. № 7. С. 98–130; *Сурова Е. А.* Российское законодательство X–XV вв. и проблемы формирования российской государственности. М., 2003; и др.

¹⁰⁶ См.: *Рогов В. А., Рогов В. В.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII в.); *Золотухина Н. М.* Обычай, закон, правда и право в русской средневековой юридической культуре // Истоки и источники права. Очерки. СПб., 2006. С. 626–653.

¹⁰⁷ См.: *Рогов В. А.* Преступная личность в праве и идеологии средневековой России // Право и идеология: проблемы исторической взаимосвязи. М., 1991. С. 28–40; *Царьков И. И.* О правовых принципах в средневековой юриспруденции // Правоведение. 2003. № 2. С. 197–207; *Золотухина Н. М.* Соотношение права и нравственности в русской средневековой правовой теории // Наш трудный путь к праву: матер. философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М., 2006. С. 256–274; *Кодан С. В.* Правовое оформление требований законности в России (XVII – начало XX в.) // История. Право. Политика. 2011. № 1. С. 42–48; *Семенова М. Ю.* Особенности осмысления проблемы законности в отечественной политико-правовой мысли допетровского периода // История государ-

вого отечественного права¹⁰⁸. Обновленное развитие получило изучение характерных для допетровского права местных правовых отношений как с общеисторической¹⁰⁹, так и с правовой точки зрения¹¹⁰.

К положительным сторонам совместной разработки тем, касающихся анализа средневекового законодательства и политико-правовых доктрин, следует отнести выяснение влияния византийской политической и правовой идеологии и практики государственно-правового строительства Византии на законодательство и формирование государственной и юридической мысли в России. Исследования на эту тему имели место в дореволюционный период, но были практически прекращены в советское время и возобновились после «оттепели» и перестройки¹¹¹.

ства и права. 2011. № 7. С. 19–22.

¹⁰⁸ См.: *Исаев И. А.* Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 4—10.

¹⁰⁹ См.: *Эскин Ю. М.* Местничество в социальной структуре феодального общества // Отечественная история. 1993. N1 5. С. 39–53; *Он же.* Местническое законодательство. Опыт реконструкции // *Modernizacja struktur władzy w warunkach oprostowania*. Warszawa, 1999. S. 119–154; *Он же.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009; *Он же.* Динамика местнических споров в XVI–XVII вв. // Российская история. 2013. № 4. С. 79–85.

¹¹⁰ См.: *Петров К. В.* Местнические правоотношения в русском праве XVI–XVII вв. (содержание, правовая природа, основания и способы защиты) // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1 (5). С. 190—197.

¹¹¹ Исключение составляли работы А. П. Каждана «Византийская культура» (М., 1968), «Книга и писатель в Византии» (М., 1973), «Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв.» (М., 1974) и ряд статей в

В последние десятилетия внимание ученых было обращено на рецепцию византийского (римского) права отечественным правом. В этом отношении следует выделить два подхода. Первый подход постулирует значительное влияние византийского (римского) права на формирование отечественного допетровского права. Этот подход получил развитие в трудах историков – Л. В. Милова¹¹², а также юристов – В. В. Чемеринской и в большей степени Е. В. Салогубовой¹¹³.

различных изданиях. К сожалению, дальнейшее творчество А. П. Каждана связано с его работой в Центре изучения Византии в Думбартонн-Оксе и Принстонском университете США. В Америке им были опубликованы: «Studies on Byzantine Literature of the XII-th and XIII-th Centuries» (Cambridge; N. Y.; P., 1984) (in collaboration with Simon Franklin); «A History of Byzantine Literature. 650–850» (Athens, 1999). В 2002 г. посмертно был издан на русском языке труд А. П. Каждана, написанный еще в России, – «Два дня из жизни Константинополя» (СПб., 2002). А. П. Каждан одним из первых в России выявил формы влияния византийской культуры на становление политической и правовой мысли в России. В настоящее время его труды стали хрестоматийными, проложившими путь к дальнейшим исследованиям в этой области.

¹¹² См.: Милов Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 113–123; *Он же*. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (К рецепции византийского права на Руси) // TENNADIOC. К 70-летию Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 129–142; *Он же*. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 87–99.

¹¹³ См.: Чемеринская В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. Опыт сравнительного анализа: автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. М., 2004; *Она же*. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв. Оренбург, 2005; Салогубова Е. В. Влияние римского права на российское гражданское процессуальное право // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 1997. № 2. О. 29–37; *Она же*. Элементы римского права в Российском судопроизводстве X–XVII вв. //

Работы последней подверглись критическому разбору Т. Е. Новицкой, указавшей на явное преувеличение роли диффузного фактора в развитии отечественного права. Труды Т. Е. Новицкой, В. А. Томсинова, К. В. Петрова¹¹⁴ принадлежат ко второму подходу по вопросу о роли рецепции византийского права. В. А. Томсинов выразил его следующим образом: «Степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной. Ее черты определялись в большей мере не этим влиянием, а условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа. Византийскому правовому наследию отводилось в древнерусском обществе более идеологическое значение, нежели регулятора общественных отношений»¹¹⁵.

Однако следует заметить, что тема о византийском влиянии на законотворческую практику и особенно на формирование политике»-юридической идеологии в средневековой

Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 173–179.

¹¹⁴ См.: *Новицкая Г. Е.* К вопросу о так называемой рецепции римского права в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 2000. № 3. С. 121–133; *Томсинов В. А.* О сущности явления, называемого рецепцией римского права // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право. 1998. № 4. С. 3—17; *Он же.* Рецепция римского права в Западной Европе в середине века: постановка проблемы // Древнее право. 1998. № 1(3). С. 169–175; *Петров К. В.* К вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси // Русь, Россия: Средневековье И Новое время. Вып. 3. М., 2013. С. 38–44.

¹¹⁵ *Томсинов В. А.* Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 2009. № 4. С. 25–26.

Руси изучена недостаточно, и для серьезных выводов о степени влияния византийского законодательства и византийской правовой теории на русское законодательство, политическую теорию и политико-правовую практику в России в Средние века необходимо более подробное ее исследование.

Самостоятельной темой в историко-правовой науке является изучение системы законодательства. В контексте монографического рассмотрения данной темы следует отметить труды А. Г. Манькова, О. А. Омельченко и новейшие исследования С. В. Кодана¹¹⁶.

В последнее время культурологическому изучению права допетровского времени посвящены работы филологов Б. А. Успенского и В. М. Живова¹¹⁷. Впрочем, их исследова-

---

¹¹⁶ См.: Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998; Омельченко О. А. Традиции и наследие русского права. М., 2003; *Он же*. Эволюция судебного нрава в России XVII первой половины XX в. и попытки его кодификации // Фемис. Ежегодник истории права и правопедения. 2009. М., 2010. Вып. 10. С. 7—53; Кодан С. В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX в.) // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 171–178; Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX в.). М., 2014.

¹¹⁷ См.: Успенский Б. А. Харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Он же*. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000; Право и религия в Московской Руси // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2008. Вып. 1. С. 122–179; Живов В. М. Postscriptum // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры, М., 2002. С. 291–305; *Он же*. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Там же. С. 187–290.

ния демонстрируют неправоное отношение к правовым вопросам, поскольку, как утверждает В. М. Живов, в допетровскую эпоху «действующее право лежало вне сферы культуры»¹¹⁸.

В западной литературе последних десятилетий, посвященной истории права, правосудия и судебных органов, рассматриваются вопросы, сходные по своей проблематике с указанными выше. У. Батлер изучает проблемы отражения институтов права в обыденном правосознании иностранцев¹¹⁹. Проблемам рецепции византийского права посвящены исследования И. Мейендорфа, Р. Хелли и Дж. Векхарда¹²⁰. Опубликованы работы, посвященные принципам отправления правосудия в 1497–1669 гг.¹²¹, политико-правовой культуре средневекового российского общества¹²², соци-

---

¹¹⁸ Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. С. 98–99.

¹¹⁹ См.: Батлер У. Э. Русское право к 1800 г. глазами иностранцев: некоторые размышления / пер. А. И. Кучера // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1996. № 3. С. 44–72.

¹²⁰ См.: Мейендорф И. Византия и Московская Русь: Очерк истории церковных и культурных связей в XIV в. Париж, 1990; Hellie R. Byzantine Law in Muscovy // XVIII Международный конгресс византинистов: резюме сообщений. М., 1991. Т. 1. С. 437–438.

¹²¹ См.: Wieckhardt G. Due Process and Equal Justice in the Muscovite Codes // Russian Review. Syracuse. N. Y., 1992. Vol. 51. No. 4. P. 463–480.

¹²² См.: Kollmann N. S. Muscovite Political Culture // A Companion to Russian History / ed. A. Gleason. Wiley-Blackwell, 2009. P. 89–104.

ально-правовым отношениям¹²³, а также отдельным правовым текстам¹²⁴.

Значительное место в новейшей историко-правовой науке занимают работы, исследующие «частные» вопросы: отдельные институты права, в частности уголовное – материальное право, виды преступлений, систему наказаний¹²⁵, пенитенциарную систему¹²⁶. Не остаются без внимания пробле-

---

¹²³ См.: *Berelovitch A.* Hierarchic et preances: le cas de la Russie au XVIIe siecle // *Revue des Etudes Slaves.* 1991. Vol. 63. Ease. 1. P. 229–244; *Schmidt Ch.* Sozialkontrolle in Moskau – Justiz, KnnnnaUtatund Leibeigensehaft 1649–1785. Stuttgart, 1996.

¹²⁴ См.: *Weickhardt G.* The Composite Law Code of 1606 // *Russian History.* 2006. Vol. 33. No. 1. P. 1 – 18; *Idem.* Late Muscovite Criminal Law: The Newly Promulgated Articles of 1669 // *Russian History.* 2007. Vol. 34. No. 1/4.

¹²⁵ См.: *Жильцов С. В.* Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // *Правоведение.* 1997. № 4. С. 47–52; *Он же.* Смертная казнь в истории отечественного права (У – сер. XVII в.): автореф. дне... канд. юрид. наук. Саратов, 1997; *Рожнов А. А.* Смертная казнь в России и Западной Европе в XIV–XVII вв.: сравнительно-правовые очерки. Ульяновск, 2009; *Он же.* Болезненные наказания в Московском государстве XVI–XVII веков по свидетельствам современников-европейцев // *Вестник ЕГУ.* 2010. Выл. 26. С. 21–36; *Сидоркин А. И.* Наказания, связанные с лишением й ограничением свободы: в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Казань, 2005; *Фумм А. М.* Назначение и исполнение уголовных наказаний в отношении иностранцев в дореволюционной России. М., 2011; и др.

¹²⁶ См.: *Шалыпин С. О.* Религиозно-доктринальные основания пенитенциарной практики в византийском и древнерусском праве // *Актуальные проблемы правовой науки.* Архангельск, 2000. Выл. 1. С. 23–32; *Он же.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII вв. Архангельск, 2013; *Нарьшикина Н. И.* Сравнительно-правовое исследование деятельности тюрем в Российском государстве

мы процессуального права, «гражданского»¹²⁷ и «уголовного»¹²⁸. Отметим также выход специальных монографий Ю. В. Ячменева «Правда и Закон. Из истории российского правоведения» (СПб, 2001); В. И. Власова «История судебной власти в России. Кн. первая (1019–1917)» (М., 2003); В. И. Бабенко, И. П. Слободянюка «История суда России (IX – начало XXI вв.)» (М., 2004); И. А. Колоколова «Судебная власть как общеправовой феномен» (Владимир, 2006); О. А. Омельченко «Традиции и наследие русского права» (М, 2006); А. А. Воротынцева и др. «История российского правосудия» (под ред. Н. А. Колоколова. М., 2009). Написаны статьи по отдельным правовым памятникам и проблемам русской государственности в Средневековье: А. О. Лядова, А. В. Евсеева «Духовно-культурные факторы становления Московского государства и права в конце XIV – нача-

---

и европейских странах (XVI–XVII вв.). М., 2014.

¹²⁷ См.: *Фокина М. А.* Состязательный гражданский процесс в феодальной России // Правоведение. 1999. № 1. С. 106–113; *Вумаков М. Б.* Земское судопроизводство в Устюжне Железнопольской в 20-х гг. ХУЛ в. // Архив русской истории. 2007. Вып. 8. С. 619–628; *Безус П. Б.* Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // История государства и права. 2010. № 5. С. 34–37; и др.

¹²⁸ См.: *Гуськов А. П., Муратов Н. Г.* Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. М., 2005; *Амплеева Т. Ю.* Розыскной процесс в Московском государстве // Закон и право. 2007. № 2. С. 112–113; *Серов Д. О.* Ревизионно-решающий порядок в уголовном процессе России конца XV – первой четверти XVIII вв. // Журнал российского права. 2008. № 6 (138). С. 102–109; *Он же.* Особенности уголовного процесса России конца XV – первой четверти XVIII в. // Там же 2009. № 9 (154). С. 96–103.

ле XVI вв.» (История государства и права. 2000. № 4); А. В. Стадникова «Представление о праве и правоприменительной деятельности государства в трудах русских мыслителей позднего Средневековья» (Современное право. 2006. № 12); В. В. Логинова «Крестоцеловальная запись Василия Шуйского как результат опричной политики Ивана IV» (Право и политика. 2011. № 4), «Государство и общество в конце XVI – начале XVII в. Смута – гражданская война – интервенция» (Право и политика. 2011. № 7), «Утверждение сословной монархии в России в нормативных документах XVI – первой половины XVII вв.» (Право и политика. 2011. № 11).

Постсоветский период развития отечественной историко-правовой науки оказался весьма плодотворным в отношении исследований различных правовых текстов. Прежде всего следует отметить цикл исследований, приуроченных к 500-летию Судебника 1497 г. Во исполнение Указа Президента РФ от 17 марта 1997 г. № 236 «О праздновании 500-летия Судебника 1497 г.» историками была проведена международная научная конференция «Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XV–XVII вв.», изданы материалы конференции (М., 2000)¹²⁹. Выходом книги была окончена длительная работа по историческому изучению Судебника 1497 г., проводившаяся Ю. Г. Алексее-

---

¹²⁹ См. также: Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004.

вым¹³⁰. Опубликован большой отклик на нее¹³¹. Важным итогом исследований Судебника 1497 г. помимо прочего стало изучение пробелов его текста¹³² и обнаружение А. И. Плигузовым рукописи, из которой листы с текстом акта были изъяты в XIX в., корректировка взглядов А. И. Плигузова в исследованиях В. Д. Назарова и Б. М. Клосса¹³³.

В последние годы вышли работы И. В. Попрядухиной, посвященные отдельным правовым аспектам норм Судебника 1497 г.¹³⁴ Однако в ряде случаев в ее работах содержатся спорные на данный историографический момент тезисы, в частности о Псковской судной грамоте как источни-

---

¹³⁰ См., например: *Алексеев Ю. Г.* Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. В. А. Шишкин. Л., 1991. Вып. XXIII, С. 208–222; *Он же.* Белозерская уставная грамота 1488 г. – закон Русского государства о местном управлении // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1998, № 9. Серия 2. Вып. 2. С. 3–17; *Он же.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001.

¹³¹ См.: *Кистерев С. Н.* Исследование К). Г. Алексеева о Судебнике 1497 г. // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 235–269.

¹³² См.: *Баранов К. В.* О неполноте текста Судебника 1497 г. // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 184–187.

¹³³ См.: *Плигузов А. И.* О списках Судебника и духовной грамоты Ивана III // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 137–148; *Он же.* О списках Судебника и духовной грамоты Ивана III // *Russian History*. 2000, Vol. 27. Pt. 2. P. 155–168; *Назаров В. Д., Клосс Б. М.* Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 53–75.

¹³⁴ См.: *Попрядухина И. В.* Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года. Самара, 2011.

ке норм Судебника¹³⁵. В меньшей степени в историко-правовой науке последних лет изучается Судебник 1550 г.¹³⁶ и особенно Судебники 1589 и 1606–1607 гг., а также нормативные акты (приговоры, указы, уложения), принятые во второй половине XVI – начале XVII в. А. С. Смыкалинным в учебном пособии опубликованы Судебник 1589 и Судебник 1606–1607 гг.¹³⁷, что, безусловно, является отрадным фактом, но хотелось бы видеть более подробное изучение этих памятников права в историко – юридической науке с публикацией и изучением новооткрытых списков (В. Д. Назаров) и расширенным комментарием, включающим новые статьи, посвященные этим памятникам права (В. А. Глухов написал несколько статей по различным проблемам, касающимся Сводного Судебника). Ждут своего предметного юридического исследования нормативные акты второй половины XVI – первой половины XVII в.

Серьезным вкладом в историко-правовую науку является исследование и публикация старопечатных изданий Собор-

---

¹³⁵ Возможно, это связано с тем, что в работе не были исследованы груды К). Г. Алексеева. В автореферате о них нет упоминаний (см.: *Попрядухина И. В.* Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года: автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2012).

¹³⁶ См., например: *Морозова Л. А.* Судебник 1550 г.: отражение правовой политики Ивана IV в сфере судоустройства и судопроизводства // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2010. Выл. 3. С. 250–269.

¹³⁷ См.: *Смыкалин А. С.* Русское законодательство конца XVI – начала XVII в. Екатеринбург, 2005.

ного уложения 1649 г., предпринятое В. А. Томсиновым¹³⁸, и изучение истории бытования и составления его текста, проводимые Л. А. Тимошиной¹³⁹, реставрационные работы с рукописью Соборного уложения 1649 г.¹⁴⁰

Таков на настоящее время уровень историографии российских исследований средневекового права, правосудия и правовой идеологии.

---

¹³⁸ См.: Соборное уложение 1649 года* Законодательство царя Алексея Михайловича/ с ост., предашь, вступ. ст. В. А. Томсинова. М., 2011.

¹³⁹ См.: Тимошина Л. А. Старопечатные издания Уложения 1649 года и приказные учреждения середины XVII века // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С. 296–304; *Она же*. Соборное Уложение: история текста XVII в. (Судебник 1589 г. и Судебник 1606–1607 о.) // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Памяти О. М. Ме луч невской: матер. XX между 1 iar. науч. конф. М., 2008. Ч. 2. С. 618–620; *Она же*. Реализация изданий тиражей Соборного Уложения на рубеже 1640—1650-х гг. // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 53 61.

¹⁴⁰ См.: Эскин Ю. М., Волчкова М. Л., Морозов Б. Н. Столбец-свиток Соборного уложения 1649 гД история бытования, реставрация и исследование // Отечественные архивы. 2013. № ЕС. 44–54.

Глава 4

Историография русского церковного права, церковного судоустройства и судопроизводства

Приступая к данной главе, хотелось бы отметить, что существенной трудностью ее изложения является отсутствие на настоящее время полной и всесторонней историографии церковного права, реализуемого церковной системой судоустройства, а также сопровождающей этот процесс политической и правовой идеологией за период всего Средневековья. Мы не ставим перед собой задачу полного выявления наименований всех изданий, в которых упоминаются документы по церковному строительству, судоустройству и судопроизводству, равно как и имена средневековых мыслителей, обсуждавших эту тематику в своих произведениях.

В нашу задачу входит определение основных источников, лежащих в основании судоустройства и процесса судопроизводства в XV–XVII в. в., а также выявление монографий и статей авторов дореволюционного, советского и современного периодов, содержащих наиболее полный анализ средневековых документов (источников церковного права) и судебных органов, реализующих их в своей деятельности. В этом аспекте представляют интерес и произведения мыс-

лителей, обсуждающих данные процессы в своих трактатах и иных политике-публицистических формах. Совокупность всех этих составляющих величин позволит определить уровень исследованности темы и отметить имеющиеся в ней пробелы.

Сложность данного раздела историографии заключается еще и в том, что само церковное право как научная дисциплина сформировалось только в конце XIX – начале XX в. в университетской науке. До этого все вопросы, касающиеся реализации церковного правосудия фрагментарно рассматривались в трудах по церковной истории. Наиболее обстоятельно эти вопросы рассмотрены в трудах: Макария (Булгакова) «История Русской Церкви» (в 13 т., первое издание – СПб., 1857; современное издание – Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994–1996); Евгения (Болховитинова) «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-римской церкви» (СПб., 1827), современное издание – «Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания» (М., 2001); Филарета (Гумилевского) «История Церкви в пяти выпусках» (М., 1848–1859), «Обзор русской духовной литературы» (1862–1863); Е. Е. Голубинского «История Русской Церкви» (М., 1880–1881, 1997); П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914, 2012); Г. Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937; М.,⁵ 2003); А. В. Карташева «Очерки по истории Русской Церкви» (в

2 т. Турин, 1948; М., 1997; Белорусский Экзархат, 2007).

Церковное право историками Церкви не выделялось из общего канонического права, охватывающего весь период развития Христианской Церкви (в том числе византийской и западноевропейской). Каноническое право представляло собой собрание решений Вселенских и Поместных соборов, а также постановлений римских пап. В целях удобства пользования разрозненные правила (каноны) были объединены в Византии в 726 г. в сборник церковного законодательства, называемый Эклогой¹⁴¹.

В России собрание церковных правил получило название Кормчей книги на сербском языке, известной еще в Киевской Руси. В дальнейшем кормчие книги подвергались пересмотру, дополнялись и переводились на русский язык. Первая попытка пересмотреть византийскую Кормчую книгу была сделана в XV в. митрополитом Киприаном; впоследствии она дополнялась Иосифом Волоцким и пересматривалась Вассианом Патрикеевым в XVI в. Кормчая, составленная Вассианом Патрикеевым, получила широкую известность в литературе в связи с ее обсуждением на Соборном суде 1531 г. и признанием еретической. Она отличалась от остальных ее вариантов тем, что она была составлена не по

---

¹⁴¹ Эклога (от греч. εκλογή – выбор) – краткий свод византийского законодательства (лат. *Ecloga Basilicorum*), представляющий сокращенную выборку – компиляцию из кодификации императора Юстиниана (известной как *Corpus juris civilis*), а также последующих актов византийских императоров с целью сделать законодательство более доступным для населения.

хронологическому принципу, как все предшествующие варианты, а по тематическому, поскольку Вассиан ставил перед собой задачу введения в текст Кормчей правил, отрицающих имущественные права церковно-монастырских организаций, главным из которых являлось владение землями, населенными крестьянами.

Каноническое право по своему содержанию шире церковного права и имеет в основном религиозный, а не юридический характер. На протяжении нескольких веков каноническое право наряду с общегражданским законодательством государства было источником деятельности всех видов церковных судов.

Вопрос о необходимости выделения и оформления церковного права как отрасли юридической науки был поставлен митрополитом Платоном (1737–1812) только в начале XIX в. Ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет согласился с аргументацией митрополита Платона и разработал программу, предусматривающую систематическое изложение курса церковного права, а с 1814 г. внедрил церковное право в учебный план духовной академии. В 1835 г. церковное право было введено «Общим уставом Императорских Российских университетов» в качестве обязательной дисциплины для всех юридических факультетов российских университетов, с обязательным распространением его изучения на лиц, исповедующих православную конфессию христианского вероиспове-

дания. В 1863 г. последовал Указ императора Александра II о создании на юридических факультетах университетов кафедр церковного законоведения¹⁴². С этого времени церковное право получило юридическое оформление как наука и учебная дисциплина.

Профессор А. С. Павлов, известный специалист по каноническому праву, создал курс церковного права, в котором оно впервые было представлено как отрасль юридической науки¹⁴³. Опираясь на солидную источниковую базу, А. С. Павлов дал определение предмета церковного права, показал его соотношение с каноническим правом, выделив их общие и особенные черты. Будучи преподавателем церковного права в Казанском, Новороссийском, а затем и Московском университетах, он в своих трудах научно разработал ряд юридических проблем церковного права. К числу наиболее известных работ А. С. Павлова относятся: «50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права» (Записки Казанского университета. 1864); «Первоначальный русский Номоканон» (Казань, 1869); «Об участии мирян в делах Церкви» (Казань, 1866); «Очерк секуляризации церковных земель в России» (Одесса, 1871). Благодаря собранному автором уникальному материалу и высокому уровню его литера-

---

¹⁴² См., ПСЗРИ. Собр. 2. Отд. 1. Т. 38, № 39752.

¹⁴³ См.: Курс церковного права заслуженного профессора императорского Московского университета А. С. Павлова, читанный в 1900–1902 гг. СПб., 2002.

турной обработки последняя книга получила широкую известность в дореволюционной, советской и современной историографии. Также его перу принадлежат работы: «Наказной список по Стоглаву» (Записки Академии наук. 1873); «Критические опыты по истории древнегреческой полемики против латинян» (XIX отчет Академии наук о присуждении Уваровских наград. СПб., 1878) и др.

Продолжателем А. С. Павлова в этой области научного знания стал Н. С. Суворов, в трудах которого церковное право уже прочно приобрело статус юриспруденции, отличный от вероучительного богословия. «В историю русской юриспруденции Н. С. Суворов вошел как человек, заложивший основы науки церковного права в России... Современная русская наука церковного права создана трудами двух ученых – А. С. Павлова и Н. С. Суворова»¹⁴⁴. Н. С. Суворов разработал ряд проблем церковного права; одной из первых стало его исследование «О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву» (СПб., 1876); на эту тему им была защищена магистерская диссертация (1877). Степень доктора юридических наук Н. С. Суворов получил за работу «Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских Соборов» (Ярославль, 1884). Во время преподавания церковного права в Демидовском лицее в

---

¹⁴⁴ Гидулянов П. В. Николай Семенович Суворов // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1909 г. М., 1910. 4.1. С. 433. Гидулянов отметил, что именно в работах Суворова проявился «римский дух» и запах права».

Ярославле Н. С. Суворов подготовил двухтомный курс церковного права (1889–1890).

После командировки для работы в архивах и библиотеках стран Западной Европы он пришел к выводу о наличии влияния на древнерусское отечественное церковное право (имеется в виду весь средневековый период) не только византийских, но и западноевропейских религиозных источников. Результаты исследования Н. С. Суворов опубликовал в книге «Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права» (Ярославль, 1888). Книга вызвала серьезную дискуссию в науке. С критикой концепции Н. С. Суворова выступил его оппонент по докторской диссертации А. С. Павлов, изложивший свои взгляды в работе под названием «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права» (М., 1892). Н. С. Суворов ответил А. С. Павлову статьей «К вопросу о западном влиянии на древнерусское право», в которой доказывал наличие влияния правообразовательной деятельности Западной церкви на Восточную церковь, и в частности на древнеславянское церковное право¹⁴⁵. Дискуссии на эту тему продолжаются и до настоящего времени¹⁴⁶.

---

¹⁴⁵ См.: *Суворов Н. С.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1894. Т. LXIII С. 129–224; Т. LXIV. С. 225–334.

¹⁴⁶ См.: *Варьяс М. Ю.* Церковное право в романо-германской правовой системе: ДПС.... капд. юрид. наук. М., 1997; *Морская А. Л.* Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений. М., 2011.

Таким образом, в дореволюционный период церковное право получило свой отраслевой статус в юридической науке и было выражено в книгах: «Учебный курс церковного права» А. С. Павлова, «Курс церковного права» (в 2 т.) и «Учебник церковного права» Н. С. Суворова. В состав «Курса церковного права» Н. С. Суворова вошли: «Общий исторический обзор развития церковного устройства» и непосредственно «Развитие церковного устройства в России», начиная с принятия христианства Киевской Русью и включая последующее затем формирование высшей церковной и местной власти. «Курс церковного права» Н. С. Суворова содержал также «Обзор источников церковного права России» в сопоставлении с источниками церковного права западноевропейских стран.

Состояние церковного суда, этапы его реформирования и формы деятельности рассматривались также в вышеупомянутых трудах по истории Церкви начиная с момента ее образования и до начала XX в.

Церковное судопроизводство конца XV – первой половины XVII в. во многом было сходно с гражданским и уголовным процессом, применяемым в светских судах в этот период. Как отмечал историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков), «иначе и не могло быть по той живой связи, которая всегда существовала у нас между Церковью и государством, и при том неизбежном влиянии, какое они взаимно оказыва-

ли друг на друга»¹⁴⁷. По этой причине история Церкви изучается в сопряжении с историей государства, особенно если это касается средневекового периода развития обоих этих институтов, когда их взаимосвязи переплетались согласно формуле «симфония властей»¹⁴⁸. Историки Церкви исследовали взаимоотношения Церкви и государства в различных сферах, в том числе в области правосудия, в сопоставлении норм церковного суда и процесса с нормами и процессом гражданского (светского) правосудия.

В трудах по истории Церкви при рассмотрении церковного правосудия XV–XVII вв., как правило, выделялись три церковные судебные инстанции, существовавшие в системе Русской православной церкви: первая – десятинная, или уездная, в лице архимандритов, «десятинников-закащиков», духовных дел управителей и духовных правлений, вторая – епархиальная в лице епископов, при которых со времен Стоглавого собора действовали суды, состоявшие из архимандритов, игуменов и суда из архиерейских бояр, в XVII в. преобразованы в приказы; третья инстанция – в лице митрополита, позднее – патриарха с Собором или без Собора епископов¹⁴⁹.

Источники канонического и церковного права, приня-

---

¹⁴⁷ Макарий. История Русской Церкви. СПб., 1883. Т. 3. Отд. 2. Гл. VII. С. 466.

¹⁴⁸ Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве: в 2 ч. Ч. 2: Приложения. Одесса, 1912.

¹⁴⁹ См.: Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 271.

тые непосредственно в Московском государстве, относятся уже ко времени автокефального состояния русской Церкви, установившегося в период великого княжения Василия III (1505–1533). Началом автокефалии считается избрание Рязанского епископа Ионы митрополитом всея Руси Собором русских епископов, без благословения константинопольского патриархата.

Важным нормативным актом XVI в., во многом определявшим всю систему церковного правосудия, были решения церковного Собора, названного Стоглавым (1551) по числу глав, на которые был разбит принятый этим Собором документ, представлявший собрание норм канонического права, которыми должна была руководствоваться в своей деятельности вся церковная организация, в том числе и суды, входившее в ее систему. В подготовке и принятии решений Стоглава активное участие принимали царь Иван IV и митрополит всея Руси Макарий (1542–1563).

Н. С. Суворов предполагает, что зачитанные Иваном IV на Соборе вопросы и составленные на них ответы были подготовлены в Избранной раде близким окружением царя, в состав которого входили: митрополит Макарий, священник Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр, постельничий и член Избранной рады Алексей Адашев и игумен Троице-Сергиева монастыря, старец-нестяжатель Артемий¹⁵⁰. Соглашаясь с мнением Н. С. Суворова, А.

---

¹⁵⁰ См.: Суворов Н. С, Учебник церковного права. С. 164.

В. Карташев отметил роль Артемия, который «даже письменно изложил царю свое личное мнение о нестяжательном иноческом жительстве», в связи с чем «партия «нестяжателей» в союзе с Иваном Васильевичем наложила отпечаток на некоторую часть соборных деяний. Соборные рассуждения велись по программе, предложенной царем, но составленной далеко не им только одним»¹⁵¹. А. В. Карташев высказал предположение, что рассмотрение всех вопросов и составление на них ответов в достаточно короткие сроки (заседание было открыто 23 февраля 1551 г., а окончено в первых числах мая этого же года) может быть объяснено «тем, что программа Соборных рассуждений, как в своей вопросной, так и ответной части, была уже в значительной мере заранее подготовлена и разработана»¹⁵².

О составлении вопросов для Стоглавого собора несколькими приближенными к царю лицами и в большой степени митрополитом Макарием писал и Д. И. Стефанович¹⁵³. В. Н. Бочкарев, на наш взгляд, справедливо считал, что на общую идейную канву всей полемики, имевшей место на заседаниях Стоглава, и в частности на освещении вопросов о статусе монастырей и деятельности духовенства, было оказано влия-

---

¹⁵¹ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 434–435.

¹⁵² Там же С 436–437.

¹⁵³ См.: *Стефанович Д. И.* О Стоглаве. Гто происхождение, редакции и состав: К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909. С. 47–57.

ание как иосифлянами (в лице Макария), так и нестяжателями (в лице Сильвестра¹⁵⁴ и Артемия)¹⁵⁵. Некоторые дореволюционные исследователи, рассматривая влияние нестяжательских взглядов на формирование вопросов и принятых на них ответов, утвержденных Собором, называют еще и Максима Грека. Вопрос о влиянии Максима Грека, в том числе посланий афонского мыслителя, адресованных царю, до настоящего времени носит спорный характер, учитывая, что в 1525 г. Максим Грек был осужден Соборным судом и отбывал заключение в «келье-молчальне» в Волоколамском монастыре, затем в 1531 г. повторно осужден Соборным судом. В дореволюционной литературе исследователи творчества Максима Грека настаивали на влиянии личности афонского мудреца на носителя верховной власти и воздействии его сочинений на формулировку вопросов, предложенных Стоглавому собору, а также характер ответов на них. «Несомненно, – писал И. В. Беляев, – влияние на Стоглав сочинений преподобного Максима Грека. Всякий, кто прочтет сочинения этого замечательного писателя и после него Стоглав, не может не заметить влияния не только мыслей, но даже иногда как будто выражений Максима на мысли и выражения царя Иоанна в его вопросах Собору... Сколько,

---

¹⁵⁴ А. А. Зимин считал, что в середине XVI в. «фактическим главой нестяжателей был Сильвестр» (*Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 95*)

¹⁵⁵ См.: *Бочкарев В. Н. Стоглав и история Собора 1551 г. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906. С. 80.*

например, сходства, но сколько и различия, если сравнить только написанное о духовенстве, в особенности о монашествующих, у преподобного Максима и в Стоглаве»¹⁵⁶.

Крупнейший дореволюционный канонист А. С. Павлов считал даже бесспорным «влияние наставлений Максима Грека (у А. С. Павлова речь идет о «Главах поучительных начальствующим правоверно», адресованных Ивану IV. – Авт.) на молодую и впечатлительную душу Ивана IV, – несомненно, знаменитая речь, сказанная Иваном с лобного места, вопросы, предложенные им Собору 1551 г., отчасти и позднейшие сочинения царя-писателя глубоко запечатлены взглядами той литературной партии, во главе которой стоял Максим Грек»¹⁵⁷.

Вызывает дискуссии и определение общего направления Собора 1551 г. В самом документе упоминаются разные его названия: Соборное уложение, Царское и святительское уложение¹⁵⁸. Впоследствии исследователи XIX–XX вв. давали различные наименования Собору 1551 г. исходя из состава присутствующих на нем представителей и содержания рассмотренных вопросов. И. Н. Жданов предложил называть его Церковно-земским собором, поскольку «вопросы, рас-

---

¹⁵⁶ *Беляев И. В.* Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. 1858. Т. IV. С. 13.

¹⁵⁷ *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. С. 107.

¹⁵⁸ РЗ.Т.2.С. 242.

смотренные на Соборе, касались не только чисто церковных, но и государственных отношений», ряд из которых имел даже «чисто государственное значение»¹⁵⁹.

С ним соглашался А. В. Карташев, подчеркивающий государственное значение решений Собора¹⁶⁰; напротив, Е. Е. Голубинский настаивал на каноническом характере всех принятых на Соборе решений¹⁶¹, В целом же дореволюционная историография склонялась к общей оценке Собора как законодательного памятника по истории русского канонического и церковного права, представляющего «редкое и выдающееся явление» в истории права России¹⁶².

Стоглав неоднократно издавался в конце XVIII–XX в. (Лондонское издание вольной русской типографии, 1860; Казанское академическое издание, 1862; Издание Кожанчикова. СПб., 1863; Издание Субботина. М., 1890; и др.). Лучшим из них научной общественностью был признан казанский вариант издания Стоглава, подготовленный И. М. Добротворским и выдержавший впоследствии три издания: 1862, 1887 и 1911 гг.

Наряду со Стоглавом основным источником канонического и церковного права в Московском государстве была

---

¹⁵⁹ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНП. 1876. Ч. 186. Отд.2.0. 50–89.

¹⁶⁰ См.: *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 438–441.

¹⁶¹ См.: *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви: в 2 т. М., 1900. Т. 2. С. 782.

¹⁶² См.: *Стефанович Д.* Указ. соя. С. 89.

Кормчая книга, которая впервые была напечатана во второй половине XVII в. в качестве официального издания с благословения патриарха и разослана по церквям патриархом Никоном с его исправлениями и написанным им самим предисловием. Она состояла из двух частей. Содержанием первой части Кормчей являются 85 апостольских правил и несколько канонов из апостольских постановлений, а также каноны, признанные Вселенскими и Поместными соборами, правила отцов Церкви и некоторые толкования к канонам. Вторая часть включает церковное законодательство императора Юстиниана, извлечения из законов Моисея, данных ему Богом; Закон судный людям царя Константина, критику некоторых «заблуждений» латинян; Прохирон Василия Македонянина (867–886) под названием «закона градского»¹⁶³ и экологу Льва Исавра и Константина Копронима под названием «Главизны премудрых и верных царей Леона и Константина» и некоторые другие постановления и правила¹⁶⁴. В отредактированном и сокращенном виде под названием «Книга правил» Кормчая книга была издана в 1839 г. Других изданий не последовало и научному изучению Кормчая книга в дореволюционный период не подвергалась.

Напротив, Стоглав привлек внимание как историков, так

---

¹⁶³ Прохирон (от гр. *procheiros* – находящийся под рукой) – кодификация некоторых основных институтов византийского гражданского, уголовного и отчасти судебного и церковного права, составлен в 879 г. по приказу императора Василия I Львом VI.

¹⁶⁴ См.: Суворов Н. С. Учебник церковного права. С. 166–167.

и юристов. Его научное изучение стимулировалось, во-первых, вниманием к средневековой русской письменности, активизировавшемся в XIX – начале XX в., а во-вторых, «общим интересом к истории и деятельности Земских соборов»¹⁶⁵. К числу таких исследований относятся статьи И. В. Беляева¹⁶⁶ и П. А. Безсонова¹⁶⁷. Оба исследователя высоко оценили значение этого памятника в истории Русского государства и Церкви. Отдельную главу исследованию памятника в книге «История Русской Церкви» посвятил Е. Е. Голубинский, отметивший большой вклад решений Собора 1551 г. в дальнейшее церковное строительство¹⁶⁸. Д. Стефанович, изучавший памятник, уже в 1909 г. рассмотрел сложившуюся к этому времени его историографию, выявил достоинства и недостатки предшествующих изданий текстов Стоглава, проанализировал нормы канонического и церковного права, которыми руководствовались церковные суды всех устроений до Стоглава и после его принятия. На основании проведенного анализа Д. Стефанович обосновал вывод: «Стоглав как законодательный памятник представляет собой редкое и выдающееся явление в истории русского цер-

---

¹⁶⁵ РЗ.Т. 2. Введение. С, 243.

¹⁶⁶ См.: *Беляев И. В.* Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. С. 18; *Он же.* Стоглав и наказные списки Соборного уложения 1551 г. // Православное обозрение. 1863. Т. XI. С. 189–215.

¹⁶⁷ См.: *Бет*) но в П. А. Новость в русской литературе – издание Стоглава // День. 1863. Ко 10. С. 16.

¹⁶⁸ См.: *Голубинский Ж. В.* Указ. сом. Т. 2. С. 782.

ковного права»¹⁶⁹.

А. В. Карташев также посвятил отдельную главу Стоглаву, подчеркнув его влияние на дальнейшую практику деятельности не только Церкви, но и государства, в чем он усматривал «величие и важность Собора 1551 г.». Судебная практика церковно-монастырских корпораций после Собора 1551 г. ориентировалась «на наказные списки или краткие извлечения из книги «Стоглав», рассылавшиеся митрополитом Макарием по отдельным церквям и монастырям в виде циркуляров», которые они принимали к сведению и исполнению¹⁷⁰.

Революция 1917 г. и последующее отделение Церкви от государства прервали дальнейшее исследование этого уникального памятника, как и в определенной степени научное изучение истории русской Церкви и, соответственно, реализации канонического и церковного права церковными судебными органами. Тем не менее нельзя сказать, что в этой области совсем никаких научных исследований не производилось. Книга историка Н. М. Никольского «История русской церкви», в которой в русле общей истории Церкви рассматривалось в том числе и ее состояние в Московском государстве, выдержала три издания (М., 1930, 1931, 1983). Издавались также труды по истории русской Церкви за период с

---

¹⁶⁹ Стефанович Д. Указ. соч. С. 89.

¹⁷⁰ См.: Карташев А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 438–439.

1917 по 1991 г. Ленинградской духовной академией¹⁷¹.

Существенной вехой в историографии церковного права стала публикация источников, осуществленная издательством «Юридическая литература» совместными трудами историков-юристов и общих историков, в серии «Памятники русского права» в 9 томах (1952–1963), а также собрание документов по внутрицерковной борьбе с еретическими движениями и еретическим учением, опубликованных А. Н. Казаковой и Я. С. Лурье в качестве приложения к монографическому исследованию «Антифеодальные еретические движения на Руси. XIV – начало XVI в.» (М., 1958. Издание снабжено приложением под названием «Источники», в котором опубликованы документы по идеологии еретиков и борьбе Церкви против еретических движений: стригольников и жидовствующих). Анализ реформационных движений в России и сопровождавших их течений социально-политической и религиозной мысли посвящена фундаментальная работа А. И. Клибанова «Реформационные движения в России» (М., 1960).

Основные этапы развития православной конфессии христианского вероисповедания в России изучались коллективом авторов под научной редакцией А. И. Клибанова в монографии «Русское православие. Вехи истории» (М., 1989).

---

¹⁷¹ См.: *Иванов А.* Русская православная церковь в 1917–1957 гг. Л., 1958; *Шишкин А.* Русская православная церковь* Л», 1959; *Павлов С.* Очерк истории русской православной церкви в период восстановления патриаршества. Л., 1982.

В 1985 г. предпринято полное научное издание Стоглава, снабженное комментариями юристов – историков права¹⁷². Не прекращалось издание произведений средневековых авторов, в том числе церковных.

Так, книга Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в.» (М.; Л., 1960) содержит разделы «Направление Нила Сорского в идеологической борьбе конца X в.» о Вассиане Патрикееве, «Направление Иосифа Волоцкого в идеологической борьбе конца XV в.», О Ниле Сорском также были изданы книги Я. С. Лурье «К вопросу об идеологии Нила Сорского» (ТОДРЛ. Л., 1957. Т. XIII (13)); Г. М. Прохорова «Первая публикация Посланий Нила Сорского» (ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX (29)); Н. М. Золотухиной «Теории суверенитета государственной власти в русской политической литературе на рубеже XV–XVI вв. (Социально-политическое учение Нила Сорского)» (Труды ВЮЗИ. Т. 44: Вопросы истории политических учений. М., 1975); Ф. Лилиенфельда «Nil Sorsky» (Berlin, 1963).

Издание произведений Вассиана Патрикеева, снабженное комментариями и исследованием его творчества, подготовлено Н. А. Казаковой – «Вассиан Патрикеев и его сочинения» (М.; Л., 1960). О нем же писали: Г. Н. Моисеева – «К вопросу о датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева» (ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15); «Об идеоло-

---

¹⁷² РЗ.Т.2.С.241–498.

гии «нестяжателей» (История СССР. 1961. № 2); Н. А. Казакова – «Очерки по истории русской общественной мысли: первая треть XVI в.» (Л., 1970; рецензия Я. Лурье (История СССР. 1972. № 4)), «К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева» (ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII (28)), «Новый список сочинений Вассиана Патрикеева» (ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX (29)), «Когда началась полемика нестяжателей с иосифлянами» (Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 111–115); А. А. Зимин – «Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России» (М., 1972. С. 127–130, 330–335), «Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства» (Ученые записки Казанского ГПИ. 1974. Вып. 121)¹⁷³.

Из изданий, посвященных Иосифу Волоцкому, следует отметить книги «Публикация посланий Иосифа Волоцкого» (подготовка текстов А. А. Зиминой, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959); А. А. Зиминой «О политической доктрине Иосифа Волоцкого» (ТОДРЛ. М.; Л., Т. IX (9). 1953); И. И. Еремина «Иосиф Волоцкий как писатель» (в книге «Литература Древней Руси (этюды и характеристики)». М., 1960); книгу И. М. Золотухиной «Иосиф Волоцкий» (М., 1981).

Издавались книги о церковном писателе Максиме Греке, в частности А. И. Иванова «Литературное наследие Макси-

---

¹⁷³ О Вассиане Патрикееве см. также: Dewey H., Matejic M. The Literary Arsenal of Vassian Patrikeew // The Slavic and East European Journal. 1966. Vol. 10. No. 4. P. 440–452.

ма Грека. Характеристика. Атрибуция. Библиография» (М., 1969); «Максим Грек и Итальянское Возрождение» (ВВ. М., 1972. Т. 33); «Максим Грек как ученый на фоне современной ему образованности» (БТ. 1976. Т. 16). И. В. Сеницына написала книгу «Максим Грек в России» (М., 1977). Д. М. Буланин подготовил «Переводы и Послания Максима Грека. Публикация неизданных текстов» (Л., 1984) и др.

Издана книга «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» (Л., 1979), в это издание вошли публикация источников, статья и комментарии. Написаны работы Б. И. Флоря «Новое о Грозном и Курбском» (История СССР. 1974. № 3); Ю. Рыкова «История о великом князе Московском А. М. Курбского» (ИЗ. М., 1974. Т. 93), «Князь Курбский и его концепция государственной власти» в сборнике «Россия на путях централизации» (М., 1982); Б. Морозова «Первое Послание А. М. Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII вв.» (АЕ за 1986 год. М., 1987) и др.

Опубликована «Посланная грамотка от старца Зиновия Отенского монастыря ис пустыни к государеву великого князя дияку Якову Шишкину» В. И. Корецкого и А. И. Клибанова со вступительной статьей «Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину» (ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII (17)); В. И. Корецкий также написал вступительную статью «Вновь найденное произведение Зиновия Отенского» к публикации источника: «Зиновия черноризца о святом Ипатии Гангрьс-

цем и чудотворцы» (ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. XXI (21)).

Был издан «Временник Ивана Тимофеева» (М., 1951), публикация и комментарии подготовлены О. А. Державиной.

Г. Н. Моисеева опубликовала монографию «Валаамская беседа – памятник русской публицистики XVI в.» с публикацией источника в приложении (М.; Л., 1953) об анонимных произведениях «Сказания о князьях Владимирских», «Валаамская беседа». Корпус анонимных сочинений Смутного времени опубликован в издании «Русская историческая библиотека» (3-е изд. Л., 1925).

Кроме монографий в периодических изданиях («Труды отдела древнерусской литературы», «Византийский временник», «История СССР», «Вопросы истории» и др.) публиковались статьи, посвященные изучению трудов средневековых мыслителей и отдельным вопросам церковного строительства, судоустройства и судопроизводства. Предпринято переиздание Полного собрания русских летописей, продолжающееся до настоящего времени. Отдельные произведения русских церковных и светских мыслителей и отрывки из них печатались в серии «Памятники литературы Древней Руси», «Библиотека литературы Древней Руси» и различных хрестоматийных изданиях¹⁷⁴.

В учебных курсах по древнерусской литературе, по исто-

---

¹⁷⁴ См., например: Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М. Е. Федорова и Т. Л. Сумникова. 2-е изд. М., 1974; Источники по истории политических и правовых учений / кол. авт. М., 1981; и др.

рии философии, политологии и культурологии, как правило, анализируются произведения средневековых церковных и светских авторов, рассматривавших волновавшие их вопросы церковно-монастырской общественной и политико-правовой жизни. Практически во всех словарях этих же гуманитарных направлений науки помещены статьи, посвященные анализу взглядов и деятельности наиболее ярких средневековых мыслителей и возглавляемых ими направлений социальной, философской и политико-правовой мысли.

В учебниках и учебных курсах «История государства и права» имеются разделы, хронологически освещающие церковное строительство, церковное судоустройство и судопроизводство с последовательным рассмотрением реформ, происходивших в этой области. Однако такие выдающиеся источники церковного права, как Стоглав и Кормчая книга, до настоящего времени историко-юридическому анализу не подвергались и в учебных курсах даже не упоминались. В научном плане в истории политических и правовых учений появилось несколько статей¹⁷⁵ и монографий¹⁷⁶ по средневе-

---

¹⁷⁵ См.: Сыромятников Б. С. Указ. соч.; Юшков С. В. К вопросу о политических формах сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 47–49; Саккетти А. Л. Политическая программа Пересветова; Саккетти А. Л. О взглядах Ивана Пересветова // ВИ. 1957. № 1; Сальников Ю. Ф. Основные направления русской общественно-политической мысли; Гальперин Г. Б. Форма правления русского единого государства в русской политической мысли. С. 123–125; Покровский С. А. Из истории политической мысли XVI в. // Труды ВЮЗИ. М., 1971; Золотухина Н. М. Теории суверенитета государственной власти в русской политической литературе на рубеже XV–

ковой правовой и политической тематике. К сожалению, в учебных курсах по этой дисциплине, написанных в 50—80-х гг. XX в., эта тематика рассматривалась кратко и схематично¹⁷⁷ (кстати, в дореволюционных курсах она вообще отсутствовала).

Отдельных научных исследований Стоглавому собору в этот период не посвящалось, но в исторической литературе его подготовка и принятые на основе его постановлений решения фрагментарно рассматривались обычно в связи с затрагиваемой исследователем темой. Так, И. И. Смирнов в монографии «Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в.», изучая содержание реформ, принятых в это время, обратил внимание на царские вопросы и ответы на них, обсуждаемые на Стоглавом соборе (М., 1958).

А. А. Зимин в книге «И. С. Пересветов и его современники» (М., 1958) рассмотрел решения Стоглава в русле отражения в них главных политико-правовых идей, бывших пред-

---

XVI вв. С. 158–191; Кузьмин А. Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России. С. 81–90; Волков В. А. Организация государственной власти в земских освободительных движениях Смутного времени // Советское государство и право. 1985. № 6. С. 125–132.

¹⁷⁶ См.: Садиков И. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985.

¹⁷⁷ См., например: Покровский В. С. История русской политической мысли; История политических учений / под ред. К. И. Мокичева. М., 1954; История политической мысли / под ред. С. Ф. Кечекьяна. М. 1960; История политических учений. М., 1971.

метом обсуждения в публицистике XVI в. А. И. Клибанов в работе «Реформационные движения в России» (М., 1960) обратился к решениям Стоглава в связи с критикой еретических движений и спорами по проблемам преследования и наказания еретиков и ересиархов. Н. А. Казакова в статье «О судном списке Максима Грека» (АЕ за 1966 год. М., 1968) и некоторых других работах касалась темы осуществления правосудия в церковном судопроизводстве¹⁷⁸. В этих работах Н. А. Казакова в свете исследования тематики и содержания дискуссий в политической публицистике XV в. затронула вопросы, касающиеся формы правления России в XVI в. и реализации судебной деятельности.

В различных научных сборниках, посвященных исследованию средневековой России, как правило, всегда помещались статьи, касающиеся церковного судоустройства и судопроизводства, что и понятно, поскольку в век бурных политических споров и борьбы партий обсуждались проблемы, касающиеся социального и политического устройства общества и, безусловно, реализации в нем правосудия. Вопрос о способах осуществления правосудия был наиболее острым, и в результате, как отмечалось исследователями, тема «праведного суда» стояла не только в центре политической полемики, но и в центре политической практики XVI в., как

---

¹⁷⁸ См.: Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970; *Она же*. Максим Грек и сословная монархия // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

светской, так и церковной.

Законодатель неизбежно должен был учитывать главные идеи своей современности и в той или иной степени воплощать их в нормативных актах. Поэтому неслучайным для этой эпохи было появление такого значительного корпуса законодательных сборников: Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Стоглав 1551 г., Судебник для северных русских земель 1589 г., Сводный Судебник 1606–1607 гг.

Именно в этот временной период политические и особенно правовые идеи получали выражение в проектах реформ органов власти, судеоустройства и судеопроизводства и воплощались в практику посредством реализации их в нормативных актах. В проектах реформ судеоустройства и судеопроизводства изложенные в них идеи оказались тесно переплетенными с законодательством. Совместное изучение идей и форм их воплощения в нормативных актах позволяет не только более глубоко понять содержание этих правовых норм, но и определить условия, породившие бурную политико-правовую полемику и принятие такого значительного количества законодательства за сравнительно небольшой исторический отрезок времени.

Полагаем, что этими обстоятельствами обуславливается совместное рассмотрение этих категорий (идей и законов) в сборниках, посвященных изучению средневековой Руси¹⁷⁹.

---

¹⁷⁹ См., например: Общество и государство феодальной России. М., 1975; Средневековая Русь. М., 1976; Очерки русской культуры XVI в.: в 2 ч. М., 1976–

Остается только высказать сожаление об отсутствии совместных работ историков и историков-юристов или хотя бы научной координации их деятельности в этом направлении, особенно в части употребляемой учеными всех гуманитарных отраслей исторической и современной терминологии.

В современной исторической и историко-правовой науке наблюдается усиление внимания к средневековой отечественной культуре в целом и политико-правовой в частности. Впервые в современной науке было продолжено изучение церковного права, начатое в конце XIX в. Первые работы по этой дисциплине принадлежат перу протоиерея В. Цыпина. В. Цыпин в работе «Церковное право» подверг исследованию источники церковного права Византии, балканских и западных стран, а также Русской православной церкви до учреждения Синода (в Московском государстве) и синодальной Церкви в Новое и Новейшее время. В. Цыпин рассмотрел также управление Русской православной церковью до конца XVII в., затем в синодальную эпоху и послереволюционный период. Церковный суд и система церковных наказаний рассмотрены им в хронологической последовательности, начиная с устройства и деятельности церковных судов в Киевской Руси и их последующей трансформации в Московском государстве.

В. Цыпин определил подсудность церковных судов, их

структуру и иерархическую соподчиненность¹⁸⁰.

В. Цыпиным написан также труд, посвященный каноническому праву, в котором он выделил церковное право как науку, рассмотрел источники и этапы его формирования, связь церковного права с ветхозаветным и римским правом, определил его предмет, систему, метод изучения и задачи, стоящие перед ним на современном этапе его применения¹⁸¹.

Церковная юрисдикция в системе уголовного права средневековой России изучались юристом В. Ю. Варьясом. Его перу принадлежат работы «Церковное право в романо-германской правовой системе» (дис... канд. юрид. наук. М., 1997) и «Краткий курс церковного права» (М., 2001).

Юрист С. А. Лукьянов посвятил свою диссертационную работу раскрытию правового статуса «иностранных» исповеданий и их последователей в Российской Империи, правового положения «инославного» и «иноверного» духовенства, старообрядцев и сектантов. При этом он обращал внимание на специфические особенности веротерпимости в России и роль вероисповедной политики в обеспечении длительной стабильности социально-политической жизни Российского государства и общества. Автором исследована история создания и деятельности уникального государственного органа – Департамента духовных дел иностранных исповеданий

---

¹⁸⁰ См.: Цыпин В. Церковное право. М., 1996. Гл. IV: Церковный суд и церковные наказания, С. 384–403.

¹⁸¹ См.: Цыпин В. Каноническое право. М., 2012.

МВД Российской Империи.

В диссертации показывается, что российская история и культура имеют огромный опыт религиозных толерантных отношений, сформировавшийся в рамках государственно-конфессиональных отношений на протяжении значительного исторического отрезка времени¹⁸².

Проблеме толерантности отношений с другими конфессиями христианского вероучения посвящено и диссертационное исследование С. В. Миненкова¹⁸³. Автор обратил внимание на уникальность опыта создания поликонфессиональной системы, объединяющей несколько религий в их организационных формах, в рамках одного государства (причем клерикального), законодательно определенных как по отношению к основной религии (православию), так и между собой. С. В. Миненков справедливо рассматривает эту модель как эффективный образец, утверждающий (в юридическом аспекте) стабильное их взаимодействие и развитие в системе российской государственно-правовой структуры.

В связи с наблюдающимся в обществе интересом к церковному праву, многоконфессиональным отношениям и их

---

¹⁸² См.: Лукьянов С. А. Принцип веротерпимости во внутренней политике до-революционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2009.

¹⁸³ См.: Миненков С. В. Правовое положение римско-католической и евангелическо-лютеранской Церквей в России XVI – первой половины XIX в.: автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

правовому оформлению в России издательством «Зерцало» переиздан «Учебник церковного права» Н. С. Суворова под редакцией и с предисловием доктора юридических наук В. А. Томсинова (М., 2004). В юридической науке следует отметить работы В. А. Рогова, посвященные изучению уголовного права и карательной политики Русского государства в XV–XVII вв., в которых рассматривались и некоторые аспекты наказательной политики церковного правосудия¹⁸⁴. Заслуживает внимания монография юриста В. А. Глухова, исследовавшего правосознание в аспекте функционирования системы церковных наказаний¹⁸⁵. Представляют интерес и работы этого же автора в области изучения влияния церковной юрисдикции на регуляцию уголовно-правовых отношений в России¹⁸⁶,

Религиозные преступления в системе русского права X – начала XX в. рассмотрены в диссертационном исследовании юриста В. Л. Ефимович¹⁸⁷. Задачей этого исследования яв-

---

¹⁸⁴ См.: *Рогов В. А.* Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв.; *Он же.* Уголовные наказания и репрессии в России.

¹⁸⁵ См.: *Глухов В. А.* Генезис правосознания: развитие церковной юрисдикции по уголовно наказуемым деяниям в Российском государстве XIV–XVII вв. Псков, 2006.

¹⁸⁶ См.: *Глухов В. А.* История уголовного права: две юриспруденции допетровской России. Псков, 2006; *Он же.* Уголовная юрисдикция в регуляции уголовно-правовых отношений в России // *Право и государство.* 2009. № 2(50). С. 110–113.

¹⁸⁷ См.: *Ефимович В. Л.* Религиозные преступления в русском праве X–XX вв.: дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

ляется выявление природы религиозных преступлений и изменения отношения к ним в связи с переменами, происшедшими в отношениях Церкви и государства. Однако в диссертации исследуется слишком большой временной период, в течение которого и отношения между государством и Церковью менялись, и далеко не всегда от этого фактора зависела классификация религиозных преступлений. Да и тезис о том, что «государство и Церковь в соответствии с идеей симфонии властей составляли единое целое», вызывает сомнения. В период позднего Средневековья конфликты с Церковью были у Дмитрия Донского и весьма серьезные у Ивана III (Собор 1503 г.). Большой хронологический период, исследуемый в диссертации, как явствует из автореферата, не позволил автору сосредоточиться на религиозных преступлениях XIV–XVII вв. (стригольники и жидовствующие), формах их преследования и разногласиях по этому вопросу как внутри Церкви, так и между Церковью и властью. Тема, несомненно, интересная, и полагаем, что она заслуживает более детального рассмотрения в свете поставленных диссертантом задач: четкого выяснения взаимоотношений государства и Церкви на разных исторических этапах, их взаимообусловленности и изучения действий, направленных против Церкви – в той мере, в какой это допустимо рассматривать их как преступления одновременно против Церкви и государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.